E57
43

Гелис. Ноябрьские дни в Севастополе.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ
комиссия по истории октябрьской революции и РКП (б-ков)

ИОСИФ ГЕЛИС

НОЯБРЬСКИЕ ДНИ В СЕВАСТОПОЛЕ В 1905 Г.

„ПРОЛЕТАРИЙ“

E57 Г13

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ
комиссия по истории октябрьской революции и РКП (б-ков)

ИОСИФ ГЕЛИС

НОЯБРЬСКИЕ ДНИ В СЕВАСТОПОЛЕ в 1905 году

История восстания в Черноморском флоте, рабочем Севастополе и частях гарнизона 11 — 15 ноября 1905 года

„ПРОЛЕТАРИЙ"
1924

[323.2 (47.722 С) „1905. XI“ = 917].

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
487912

Р. У. П. № 8580. 16/VII. 24. Тираж 10.000.

Харьк. Шк. Печ. Дела им. А. В. Багинского № 1331.

БИБЛИОТЕКА МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ С.С.С.Р.
51349
ПОГАШЕНО
9(47) п.
2-31

От Истпарта.

Военная сила всегда была главной опорой царизма. К ней прибегал он во все трудные моменты своего существования: бастовали ли рабочие или бунтовали крестьяне — все революционные волнения подавлялись силой таких же рабочих и крестьян, только одетых в серые шинели, скованных силой военной дисциплины и одурманенных поповскими сказками о присяге.

Выбить из-под ног самодержавия эту опору было одной из главных задач революционных партий. Сделать это в условиях нелегальной конспиративной работы было чрезвычайно трудно.

Первая русская революция в 1905 г. сумела лишь отчасти втянуть в революционное движение армию и флот. Но нигде революционные выступления не были так значительны как по размеру, так и по организованности и сравнительной сознательности, как во флоте.

Не успело улечься впечатление, созданное державшейся 11 дней пловучей крепостью революции „Потемкиным", как красный флаг взвился над целой небольшой эскадрой в том же Черноморском флоте.

Событие поражало и историков и позднейших исследователей. Личность лейтенанта Шмидта стала легендарной. И в ближайшие годы после 5-го, и в позднейшие, после великой революции 17-го года,

возникла большая литература о Севастопольском восстании и ее вожде. Значительная доля этой литературы написана буржуазными учеными или литераторами, которые идеализируют красного лейтенанта и преувеличивают его роль, но оставляют в тени, как общие причины восстания, так и роль партий в его подготовке и ходе.

Несмотря на многочисленность и весьма разнообразную ценность уже изданных работ о Севастопольском восстании, работа Гелиса, представляющая из себя последовательно изложенную историю революционных событий в Черноморском флоте в ноябре 1905 г. по архивным материалам и газетам 1905 г., является далеко не лишней. Полное использование судебно-следственных материалов — это ее крупное достоинство. Ее недостатком является то, что неиспользованным остался очень большой материал о Севастопольском восстании, не архивный, а печатный, среди которого имеются такие ценные вещи, как воспоминания непосредственных участников восстания, в значительной степени восстанавливающие работу и значение в восстании партий. В виду этого книга дополнена некоторыми примечаниями и маленькими очерками сотрудницы Истпарта т. Хабас о Севастопольской с.-д. организации по опубликованным, к сожалению, очень неполным материалам о Севастопольской организации с.-р., роль которых, как это следует из ряда материалов, в общем была ничтожна, и о суде над участниками Севастопольского восстания. К приложениям прибавлены прокламации: „К солдатам Брестского полка“ и „Граждане“ и другие материалы, а также указан список литературы о Севастопольском восстании.

Предисловие.

Предлагаемая книга имеет своею основной задачей изложение событий, составляющих эпоху первой русской революции 1905 г. в наиболее яркий момент ее — в ноябрьские дни. Восстановление картины восстания революционного Севастополя, черноморской флотской дивизии и частей гарнизона, — „военного бунта", с самых первых дней его зарождения до гибели его, от протеста до восстания — вот цель, которая руководила нами при разработке исторических материалов, относящихся к тому времени. Вторая задача нашей работы — выявление исторической роли лейтенанта Шмидта, искаженной дифирамбами эсэровских писателей, которые, будучи идеологами мелкой буржуазии, совершенно не понимают исторического значения классовой борьбы и во всех событиях ищут „героя".

Предлагаемая книга не претендует на абсолютную точность в деталях всего изложенного в ней, — при скудости и разрозненности материала этого достигнуть почти невозможно, — но мы утверждаем, что общая картина событий, — история восстания в его движении — реставрирована и передана исчерпывающе.

В заключение выражаю глубокую благодарность товарищу по работе Истпарта и старому партийцу Сергею Михайловичу Тетину за энергичное содействие работе в ее технике и предоставление ценных исторических материалов, а также Остерману и Л. Я. Резникову.

Автор.

г. Севастополь.
10 августа 1923 г.

I. Партийная работа Р. С. Д. Р. П. в Севастополе перед ноябрьским восстанием.

Доклад, написанный Вороницыным для конференции военных и боевых организаций Р.С.Д.Р.П. 1906 года и воспоминания Генкина („По тюрьмам и этапам“) и Вороницына („Из мрака каторги“) дают некоторые сведения о жизни и работе партии в Севастополе, начиная с 1904 г. С лета этого года с.-р., до этого времени довольно успешно работавшие среди черноморских матросов, исчезают и гегемония революционного влияния начинает принадлежать с.-д., почти исключительно меньшевикам. В зиму этого года произошли крупные аресты, разгромившие комитет крымского союза (были арестованы Кипен, Кузнецов и другие). Но благодаря присланным из Одессы подкреплениям работа снова пошла.

Нелегальная типография крымского союза (сооргнизованная Фальковским и Генкиным) выпускала десятки тысяч прокламаций. В то же время группа матросов с.-д., во главе которых стоял машинист А. Волошинов (т. Дмитрий), организовала ряд кружков из матросов, устраивала летучки, массовки, посылала корреспонденции в „Искру“ и „Социал-Демократ“. Кроме них, среди матросов работали еще „Портной“, Генриета Мешман (товарищ „Ольга“) и товарищ „Константин“. Летнюю практику Черноморской эскадры в 1905 г. предполагалось использовать для агитации и пропаганды. Была выпущена специальная прокламация. Волошиным и Генриетой Мешман был организован „руководящий центр“. Предполагалось поднять восстание во всем флоте...

Происшедшее в июне неудачное восстание на „Потемкине“ приостановило партийную работу среди матросов. Но впечатление от этого восстания среди матросов и отчасти

солдат было огромным и производило революционизирующее действие. Это же восстание заставило руководящие органы партии больше внимания уделить работе среди военных. Из Парижа в Севастополь были присланы товарищи Кирилл (пожилой ветеринарный врач) и Кондрат (одесский студент). Кондрату удалось не только восстановить старые связи с матросами, но и завести новые связи с саперами, артиллеристами и солдатами Брестского и Белостокского полков. На окраине города, в Татарской слободке, им была устроена специальная явочная квартира. Возобновилось распространение партийной литературы, устраивались собрания и массовки[1]). Общее возбуждение, охватившее в октябре всю Россию, царило и в Севастополе. В городе происходили многочисленные и многолюдные митинги, вышедшие из подполья партийные организации развивали огромную деятельность. Партийная работа велась почти исключительно с.-д., так как организация социалистов-революционеров в Севастополе, по свидетельству с.-р. А. Никонова[2]), возникла только после 17 октября и была в зачаточном состоянии. Не задолго до октябрьских дней был разбит последний севастопольский военный партийный комитет и матросы растеряли все связи с партией. Разбитая организация начала восстанавливаться только за несколько дней до ноябрьских событий. Партийную агитацию в этот период среди матросов вели с.-д. — рабочие порта, имевшие постоянное общение с матросами[3]). Революционная литература, наводнявшая всю Россию, проникала в казармы и без содействия партийных организаций. Каждый матрос или солдат, побывавший в городе, приносил оттуда, купленные на собранные в складчину деньги, издания „Молота“, „Колокола“, „Буревестника“ и последние номера газет — народнического „Сына Отечества“ и марксистской „Нашей Жизни“. Чтение и споры о прочитанном происходили совершенно открыто[4]). После опубликования манифеста 17 октября публичные митинги

---

[1]) И. Генкин. „По тюрьмам и этапам“. *(Р. Хабас).*

[2]) В. Дробот. „Севастопольское восстание в 1905 г.“. *(Р. Хабас).*

[3]) Доклад Вороницына на конференции военных и боевых организаций Р. С. Д. Р. П. *(Р. Хабас).*

[4]) И. Генкин. „По тюрьмам и этапам“. *(Р. Хабас).*

стали бытовым явлением. В них нередко принимали участие и матросы и не только как слушатели, но и как ораторы. Когда вышел приказ о том, что военным запрещается посещать митинги, то, по постановлению партии, митинги были перенесены в самую середину расположения войск — на площадь между машинной школой Черноморского флота и Брестскими казармами на Корабельной стороне. По свидетельству с.-д. Шиманского, эти митинги имели вполне организованный характер и ими руководили товарищи, впоследствии вошедшие в группу руководителей восстания: Вороницын, Канторович, Пятин, П. Мойшеев, Н. Вольская, Смидович, Дергачев и другие [1]).

В первых числах ноября с.-д. организация, оправившаяся после сентябрьских и ноябрьских арестов, начала восстанавливать связи с матросами. Силы организации увеличились благодаря тому, что был выпущен из тюрьмы сидевший с 1902 по 1905 г. один из первых организаторов работы среди военных в Севастополе Николай Канторович и приехал старый партийный работник Иван Вороницын. Оба они вошли во вновь сформировавшийся центр военной организации [2]). Были организованы два собрания бывших членов военной организации. На обоих перебывало человек двадцать матросов.

По вопросу о настроениях на этих собраниях выяснилось, что определенно революционны только „Потемкин“ и „Очаков“ и флотские казармы, в остальных же воинских и флотских частях настроение более неопределенное. Делегат „Потемкина“, машинный квартирмейстер Сиротенко определенно говорил о том, что если „Потемкин“ выйдет в плаванье, то на нем обязательно вспыхнет бунт. Другие же члены собрания говорили, что они не уверены в поддержке остальных команд. Из докладов о работе, которую каждый вел в своей части, выяснилось, что военные власти растеряны и крайне уступчивы к требованиям матросов, что некоторые офицеры пробовали читать в экипажах черносотенные лекции, но сознательные матросы открыто с ними полемизировали, а на „Потемкине“ Сиротенко каждый вечер устраивал митинги,

---

[1]) В. Дробот. „Севастопольское восстание в 1905 г.“. *(Р. Хабас)*.

[2]) И. Генкин. „По тюрьмам и этапам“. *(Р. Хабас)*.

на которых, не стесняясь начальства, выступал с критикой действий правительства и разъяснением с.-д. программы. Ослабление дисциплины дало матросам возможность воздействовать на солдат Брестского полка, и они рассчитывали, что этот полк против них не выступит. По вопросу о выступлении в ближайшем будущем было решено, что сейчас выступление было бы преждевременным, оно будет иметь больше шансов на успех после некоторой подготовительной работы. Был выработан план такой работы и ее организации. Должно быть создано выбранное всеми сознательными матросами и солдатами представительство всех частей Севастопольского гарнизона полулегальное, заботящееся о насущных интересах солдатской и матросской массы и ведущее агитацию на почве ближайших экономических нужд. Как на средство воздействия на начальство, было указано на забастовку, идея которой пользовалась большой популярностью и которой успешно воспользовались в конце октября запасные. Предполагалось, что в результате забастовки создастся настроение, нужное для восстания. Представители сапер и брестцев, в общем, поддерживали матросов. Непосредственных связей с белостокцами и артиллеристами не было. Связь с ними имели отдельные члены организации, которые возлагали большие надежды на артиллеристов, а относительно белостокцев говорили, что они затронуты очень мало[1]).

Сразу после воссоздания военной организации работа в Севастополе пошла очень активно. 6-го ноября уже было устроено два матросских митинга в 400—600 человек.

Идея выборов депутатов сразу встретила большое сочувствие. 9-го вечером был устроен митинг в 1000 человек. В этот день матросами „Очакова“ уже был предъявлен ряд претензий и требование свободного участия матросов в митингах. Общее настроение было таково, что призыв одного оратора постоять за арестованных на „Пруте“ чуть не вызвал революционного взрыва.

Меньшевистский севастопольский комитет не ждал, что матросская масса двинется на революционный приступ сейчас же, как только ей будет указан путь в виде выборов

---

[1]) Доклад Вороницына на конференции военных и боевых организаций Р. С. Д. Р. П. *(Р. Хабас).*

депутатов и забастовки в случае отказа начальства признать выборных. В докладе Вороницын объясняет эту неподготовленность тем, что „состав организации был новый“, что в ней не было товарищей, знавших состав и настроение севастопольских матросов, и связь организации с массами тоже была очень непрочна, ее почти не было, но, конечно, правильнее считать основным не местные случайные причины, а более общие—всероссийские, уже сыгравшие свою печальную роль и во время Потемкинского восстания.

II. Севастопольская организация социалистов-революционеров и ноябрьское восстание.

В. Дроботом были записаны воспоминания доктора С. А. Никонова, стоявшего во главе севастопольской организации с.-р. в 1905 г.

Таким образом, мы имеем подробные сведения о партии с.-р. в ноябрьские дни и ее роли в восстании.

Первые зачатки с.-р. организации начались в октябрьские дни 1905 г. В нее вошли: только что вернувшийся из высылки С. А. Никонов, В. Т. Голиков, С. И. Мельников, Л. А. Флеров. По словам Вороницына („Из мрака каторги"), „организация с.-р. в те дни была слаба и силами и влиянием, была, можно прямо сказать, непопулярна. Этим и объясняется то обстоятельство, что все попытки с.-р. вмешаться в восстание оставались тщетными". Никонов подробно рассказывает об упоминаемой Вороницыным попытке с.-р. вмешаться в движение.

По его словам, 13-го ноября с.-р., имевшие связи в морском и сухопутном штабе, получили сведения об отправке в Севастополь для подавления восстания крупных воинских сил морем из Одессы и Керчи и по железной дороге и в пешем строю из Симферополя.

Получив эти сведения, с.-р., на специально устроенном заседании, постановили способствовать организации вооруженного сопротивления, для чего предполагали снять замки с крепостных батарей, использовав для этого несколько рот надежных матросов, устроить подрыв железной дороги на ведущей к Севастополю магистрали и, наконец, выслать в море флотилию военных истребителей для задержки дессанта, высланного на невооруженных транспортах Добровольного флота из Одессы и Керчи.

Считая, что для успеха необходимо участие специалистов, комитет привлек к работе Н. Усова, офицера саперного батальона. Характерно для настроения интеллигенции в то время, что Усов, будучи левым кадетом, все-таки охотно согласился участвовать в восстании. Пробовал комитет пригласить и П. П. Шмидта. К нему зашли Никонов, Мельников и Н. Усов. Шмидт готовился к отъезду и на сделанное ему предложение принять военное руководство восстанием ответил: „Нет, господа. Я не могу принять участие в деле, которое я считаю абсолютно безнадежным. Я собираюсь выехать в Москву, и мне кажется, что я там больше пригожусь для России; пусть меня используют на каком-нибудь ином поприще“ ...

Получив отказ, Никонов, Мельников и Усов отправились в Лазаревские флотские казармы. Их пропустили, так как они принадлежали к группе лиц, носивших, благодаря выборам на митингах и своим выступлениям, звание народных представителей. Они пробрались на экстренное заседание комитета с участием Вороницына, Канторовича, Наталии Вольской, Смидовича и делегатов от дивизии. С.-р. передали комитету просьбу о допущении их для важной и спешной информации, но выслушаны не были.

На полный неуспех с.-р., при их попытках вмешаться в восстание, указывают и воспоминания участников. С.-д. Вороницын („Из мрака каторги“, стр. 4) говорит: „Одна такая попытка мне вспоминается особенно ясно. На второй или на третий день восстания ко мне подошли два матроса (вероятно, с.-р.) и потребовали, чтобы я, как председатель Совета, дал разрешение приехавшим из Симферополя с.-р. войти во двор и обратиться к матросам с речью. На дворе в то время происходил митинг. Разрешение, конечно, было дано, и один из членов Совета тут же пошел сказать караулу, чтобы симферопольских гостей впустили. Матросы, узнав, кто такие прибывшие, отказались их выслушать и только после некоторых увещаний с нашей стороны разрешили одному из них подняться на трибуну. Театральные жесты и витиеватая речь оратора, не скупившегося на иностранные слова, быстро разогнали аудиторию,—выступление оказалось неудачным“.

Генкин („По тюрьмам и каторгам“) тоже говорит: „Попытки с.-р., особенно одного старика-эмигранта из Парижа, вмешаться в организацию восстания и придать ему более боевой и наступательный характер, кончались для них скандалом: матросы и слушать их не хотели, с.-р. уходили освистанными“.

III. Севастополь перед ноябрьским восстанием.

Чухнин однажды задал вопрос явившейся к нему депутации:—Как вы думаете, почему появился манифест 17 октября: потому ли, что он дарован царем народу, или завоеван народом у царя?—Ему, конечно, ответили, что это было завоевание. „Да—сказал он,—я тоже думаю: это было завоевание силой, но знаете какой?—силой разбойника, который, приставив вам револьвер к груди, потребует „кошелек или жизнь“. Конечно, отдашь кошелек, чтобы спасти жизнь. Вот в каком положении, по моему убеждению, находился государь накануне 17 октября“ [1]).

Чухнин говорил правду: самодержавие, давшее манифест 17 октября под напором октябрьской стачки пролетариата, именно хотело спасти самое свое существование. Либеральная буржуазия и радикальная интеллигенция считали манифест конечной целью борьбы с самодержавием и на фоне дарованной конституции хотели строить „мирную“ политику. Пролетариат же не мог, укрепив свои силы, не броситься в дальнейшую борьбу, и по этому пути буржуазный либерализм был ему препятствием. В 1905 году это препятствие было пассивным, впоследствии, в 1917 году оно стало активным. Это был в те годы лишь один из камней преткновения для рабочего класса России. Вторым—было многомиллионное крестьянство, в решающие моменты служившее орудием в руках реакции. И тот, и другой были живыми памятниками феодально-крепостнического строя, на смену которому рабочий класс России, в отличие от запада, выковывал элементы нового, социалистического общества через голову отставшей буржуазии.

Севастополь 18 октября представлял собою сплошной праздник. Люди собирались на улицах отдельными кучками,

[1]) Л. Резников. „Лейтенант Шмидт“.

целыми толпами и оживленно толковали о смысле и значении манифеста. Большой митинг происходил на Екатерининской улице, около музея севастопольской обороны. В числе выступавших ораторов тут был и командир одного из миноносцев эскадры, лейтенант Шмидт. Толпа восторженно реагировала на каждый лозунг, каждое восклицание, заключавшее в себе магическое слово—„свобода", как вдруг это настроение было прервано диким налетом боевой роты во главе с полициймейстером, скомандовавшим: „В штыки их, бунтовщиков!" Находившийся тут же местный воинский начальник де-Роберти приказал ретивому сатрапу немедленно отправить роту по казармам, прибавив при этом, что теперь наступила „конституция, свобода и всякий гражданин может где угодно собираться для изложения своих мыслей" [1]).

К трем часам дня, под звуки флотского оркестра, прошедшего через весь город по главным улицам, в Приморский бульвар собралась толпа в несколько тысяч человек. Тут были разные „слои общества". Начались речи, приветствия, объятия, поздравления. Всеобщее ликование длилось до вечера, после чего представители местной интеллигенции собрались на частной квартире д-ра Веймарна на Большой Морской для обсуждения происходящих сенсационных событий.

Пока интеллигенция занималась предвосхищением близкого рая и пела восторженные дифирамбы новому „освободителю", рабочие массы не замедлили произвести первый революционный эксперимент над капитулирующим самодержавием и испытать силу своей классовой организации. Вечером, около 6 часов, толпа рабочих и матросов, сломив калитку, ворвалась в городскую тюрьму, с целью освободить политических заключенных. Внутри тюрьмы начался обычный в таких случаях переполох: заключенные волновались, надзиратели метались из стороны в сторону, звякнули затворы конвойной команды Брестского полка, несшей внутреннюю охрану тюрьмы, и раздался первый выстрел, уложивший на месте солдата, оказавшегося вестовым Чухнина. Через некоторое время сзади бушевавшей толпы оказалась спешно вызванная боевая рота Белостокского полка, без

---

[1]) Л. Резников. „Лейтенант Шмидт".

ПОГАШЕНО

предупреждения открывшая стрельбу залпами в безоружных рабочих и матросов, в результате чего около ворот тюрьмы остались убитыми, кроме солдата, еще один матрос, два рабочих и две девушки. Это были первые шесть жертв октябрьской „свободы“.

В это самое время происходило мирное заседание интеллигенции, привлекшее, кроме приглашенных гостей, также офицерство, моряков, артиллеристов и т. д. В самый разгар словопрений получилась весть о расправе у ворот тюрьмы. Немедленно была составлена телеграмма протеста на имя Витте. Был даже составлен отдельный протокол о случившемся. Кроме того, находившийся тут же Шмидт предложил вопрос об этом перенести на экстренное заседание городской думы.

В 10 часов утра на следующий день на Приморском бульваре собралась огромная масса рабочих, матросов и другой публики. Из уст в уста передавались возмутительные подробности вчерашнего происшествия. Возбужденный митинг выделил „Совет депутатов от народа“, куда вошли Шмидт, присяжный поверенный Резников и несколько других местных общественных деятелей; депутаты двинулись в городскую думу, экстренное заседание которой в этот день уже было созвано по инициативе либерального городского головы А. А. Максимова [1]). Можно себе представить, до какой степени передовой оказалась тогдашняя севастопольская интеллигенция, что в заседании с правом решающего голоса принимали участие „даже женщины“. Постановление, вынесенное думой, заключалось в следующем: а) вывесить на видном

ПОГАШЕНО

[1]) В протоколах заседания севастопольской думы сохранилось заявление Шмидта, сделанное им, как выборным на митинге депутатом от народа, на заседании севастопольской думы 19-го октября 1905 г. „Городская дума, являясь избранницей населения, должна быть не только защитницей хозяйственных и экономических интересов граждан, но должна быть охранительницей чести, достоинства и жизни граждан, и потому дума должна отнестись с презрением к виновникам вчерашнего избиения; это презрение дума должна запечатлеть на память потомкам следующим образом: на пергаменте написать акт о вчерашнем зверском, бессмысленном преступном избиении невооруженной толпы, мирно праздновавшей великий момент объявления политической свободы русского народа. Имена убийц вписать в акт, и этот памятник должен быть навсегда вывешен на стене в зале городской думы, дабы

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

месте лист протеста, в котором позором заклеймить имена убийц из местного начальства, б) удалить из города жандармского полковника и полициймейстера, в) удалить из города казаков, г) устроить на следующий день, 20 октября, торжественные похороны-демонстрацию первых жертв, д) устранить полицию и передать охрану города милиции из рабочих (которых, кстати, к этому дню уже записалось добровольцами 500 ч.), е) уничтожение навсегда смертной казни в России и, наконец, ж) объявление амнистии всем восставшим ранее в Черноморском флоте и, в частности, „потемкинцам". Постановления с виду превосходные, но они были посланы на утверждение коменданту крепости ген. Неплюеву, заменявшему в это время Чухнина, уехавшего с морским министром Бирилевым для обследования и инспекции флота.

Если „поглубже" вдуматься в смысл необходимости утверждения таких постановлений, то надо будет сделать вывод, что русская революция и ее развитие в Севастополе могли бы произойти не иначе, как с утверждения коменданта севастопольской крепости.

и будущее потомство видело и поучалось примером, как свободные граждане клеймят позором посягателей на неприкосновенность личности свободных граждан".

Это предложение Шмидта городская дума приняла единогласно.

Без изменений была принята думой и редактированная П. П. Шмидтом телеграмма протеста, посланная Витте.

„Петербург. Графу Витте.

Севастопольская городская дума, в чрезвычайном заседании, совместно с депутатами, выбранными от народа, заслушав доклад городского головы о совершенных в ночь с 18-го на 19-е октября убийствах, единогласно постановила: выразить свой протест правительству, администрацией коего убиты были граждане Севастополя, мирно праздновавшие осуществление свободы и совершавшие мирную манифестацию у здания тюрьмы в честь заключенных за политические убеждения, и требовать немедленного удаления виновных, до предания их суду; немедленно снять военное положение с устранением войск с улиц города и казаков из пределов градоначальства, с заменой их временной народной охраной; требовать освобождения всех политических заключенных и общей амнистии, не исключая матросов Черноморского флота; уничтожить смертную казнь, как позорище отечества. Только выполнением этих народных потребностей возможно успокоение населения и возвращение к нормальному течению жизни". („Лейтенант П. П. Шмидт". Воспоминания сестры, стр. 37). *(Р. Хабас).*

20-го октября со всех концов города, с самого утра стали стекаться тысячные толпы народа, запрудившие все улицы от Херсонесского моста до Городской больницы. После отпевания в больничной церкви, гробы были вынесены на паперть и похоронная демонстрация направилась к кладбищу. Впереди шел оркестр, который, вперемежку с демонстрантами, исполнял революционные гимны. Со всех сторон развевались красные и черные знамена, а за ними шла бесконечная черная масса народа. Шествие двигалось в полном порядке, охраняемое цепью из граждан-добровольцев, наводя страх на севастопольское начальство.

На кладбище были уже вырыты четыре могилы, вокруг которых сгруппировались ораторы, окутанные знаменами. Все остальное пространство было битком набито народом, сохранявшим напряженную тишину.

Первая речь была произнесена городским головой Максимовым. В патетическом пафосе он призывал... „небо и землю протестовать против того, как царское правительство безжалостно расправляется с русским простым народом в память манифеста 17 октября". Вторым выступил лейтенант Шмидт.

Со свойственным ему экстазом, порою граничившим с революционным мистицизмом, стальным голосом, среди всеобщей тишины прозвучала пронизывающая сознание масс речь [1]):

„У гроба подобает творить одни молитвы, но да уподобятся молитве слова любви и святой клятвы, которую я хочу произнести здесь, вместе с вами.

Когда радость переполнила души усопших, то первым их движением было итти скорее к тем, кто томился в тюрьме, кто боролся за свободу и теперь в минуту общего ликования лишен этого высшего блага. Они, неся с собою весть радости, спешили передать ее заключенным, они просили выпустить их—и за это были убиты. Они хотели передать другим высшее благо жизни—свободу—и за это лишились самой жизни. Страшное, невиданное преступление. Великое, непоправимое горе. Теперь их души смотрят на нас и вопрошают безмолвно: „Что же вы сделаете с этим благом,

[1]) Эта речь была помещена в „Сыне Отечества" от 7 ноября 1905 г.

которого мы лишены навсегда? Как вы воспользуетесь свободой? Можете ли вы обещать нам, что мы последние жертвы произвола?"

И мы должны успокоить смятенные души усопших, мы должны поклясться им в этом...

Клянемся им в том, что мы никогда не уступим никому ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав.

Клянемся им в том, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положим на сохранение нашей свободы.

Клянемся им в том, что свою свободную общественную работу мы всю отдадим на благо рабочего неимущего люда.

Клянемся им в том, что между нами не будет ни еврея, ни армянина, ни поляка, ни татарина, а что мы все отныне будем равные, свободные братья великой свободной России.

Клянемся им в том, что мы доведем их дело до конца и добьемся всеобщего избирательного равного для всех права.

Клянемся им в том, что если нам не будет дано всеобщее избирательное право, мы снова провозгласим великую российскую забастовку".

После каждой клятвы он первый подымал обе руки кверху и восклицал: „клянусь". И ему отвечал десятитысячный голос масс: „клянемся". Слышались рыдания.

После такой речи, которая на минуту сковала волю всех, кто ее слышал, остальные речи казались бледными. Перед самым окончанием похорон разыгралась курьезная паника: стоявшие сзади, чтобы лучше видеть и слышать ораторов, взобрались на каменную ограду кладбища. Стена не выдержала напора множества людей и рухнула. От нажима массы камней и людей толпа начала поддаваться вперед, и одну минуту казалось, что передние ряды сомкнут кольцо вокруг могил и ораторов и заживо похоронят стоящих посредине. Шмидт спокойно приказал оркестру: „Марш", и звуки похоронного марша отрезвили толпу.

Едва успел улечься испуг, в заднем конце кладбища кто-то пустил провокацию: „казаки", и ошеломленная публика бросилась через ограды и могилы к выходу, оставляя по пути следы панического бегства: галоши, зонтики и даже дамские шляпы.

На еврейском кладбище, где хоронили двух убитых еврейских девушек, происходило то же самое: речи, братские

чувства, умиление, восторг, рыдания — словом, разряжение того нервного напряжения, которое было вызвано событиями и треволнениями последних дней.

21-го октября, как раз в день амнистии, Шмидт был по приказу Чухнина арестован и под конвоем, среди бела дня, отведен на Графскую пристань и отвезен под арест на броненосец „Три Святителя". Две недели содержался он там под строжайшим надзором, причем свидание с ним получили только его сын, тогда 15-тилетний мальчик, и поверенный Резников. На этом свидании Шмидт украдкой от присутствовавшего при свидании капитана В. передал Резникову два документа, впоследствии помещенные в „Сыне Отечества": его речь на кладбище „клятва", и воззвание к народу, подписанное—„социалист вне партий" [1]).

Между тем провокаторская политика царских властей уже ознаменовалась в Симферополе и Феодосии организованными, разумеется, полицией и черной сотней квалифицированными погромами. В Севастополе организовался, на этот раз по групповой инициативе, под председательством с.-д. Канторовича, „Совет депутатов от народа", куда вошло несколько приезжих с севера социал-демократов, а также местные политические деятели. „Совет" поставил себе целью организацию защиты от погромов и дальнейшую борьбу за легализацию революционной пропаганды в массе.

---

[1]) „Мне удалось, несмотря на одиночное заключение, прочесть манифест о „помиловании" политических. Этим манифестом умирающая бюрократия бросает новый вызов к борьбе с отживающим последние дни режимом. Русскому народу предстоят последние усилия для действительного осуществления правового порядка и действительной свободы. Средство к окончанию этой борьбы и взятию последних позиций одно, и других нет, — это фактическое осуществление всеми русскими людьми всех неотъемлемых человеческих прав. Посылаю упрек тем органам печати и тем русским людям, которые будут ждать „разъяснений и положений" о пользовании манифестом. Такое смирение грозит великой опасностью всему народу русскому, грозит опасностью самой свободе.

Мы не имеем права ждать, пока бюрократия истолкует, что надо разуметь под правами свободного гражданина. Ее толкования могут привести к новому гнету; — ждать этих разъяснений, которые уже начали сводиться к ограничениям — преступно. Каждый, кто дорожит счастьем народа, должен, не выжидая, осуществлять права человека так, как они поняты всеми свободными народами мира. Граждане,

В это время Чухнин издал строжайший приказ о запрещении каких бы то ни было открытых митингов, которые он обещал разгонять силой, вплоть до „огнестрельного оружия".

После долгих прений „Совет" направил к Чухнину депутацию с просьбой о разрешении митинга и об отмене приказа. Чухнин принял депутацию с подчеркнутым высокомерием и холодно заявил, что приказ им уже отменен, что митинги разрешает, но советует „повлиять" на ораторов, чтобы те в своих речах не оскорбляли царя и правительство. Разумеется, Чухнин боялся отнюдь не „оскорблений", да еще словесных,— его страшила та назревающая буря в среде матросов, которая последние дни реально предвиделась даже недалеким городским обывателем.

В умах была еще свежа память о расправе царского правительства над 23-мя матросами команды учебного судна „Прут"; они были приговорены за минутное сочувствие „Потемкину" в июньские дни к 3-5 годам арестантских рот и отправлены в Николаев. Еще не успело улечься впечатление от зверского расстрела безоружных людей у стен тюрьмы и знаменитой речи Шмидта, как до Севастополя донеслась потрясающая весть о Кронштадтском восстании.

Кронштадтское восстание разбередило еще открытые раны черноморских моряков и, с другой стороны, бросило трясущееся

помните, что я арестован за свободное слово после манифеста 17-го октября, помните это, и пусть это нарушение свободы произволом напоминает вам, что дело далеко не окончено, что нужны теперь последние усилия, чтобы овладеть раз и навсегда человеческими правами. Усилия эти должны выразиться действительным пользованием действительной свободой.

Всех, кому дорога свобода, кому дорого счастье страны, призываю,— помогите сделать суд надо мною гласным, в обширном помещении, при широком доступе всех слоев населения, при представителях органов печати. Сила общественного мнения потребует гласного суда. А если таковой будет, то скамья подсудимых и превратится для меня в трибуну, с которой я нанесу последний тяжелый удар ненавистному режиму. У меня для этого достаточно сил. Помогите же мне, и теперь же немедленно займитесь широкой оглаской происшедшего со мной. Помните, граждане, что мое дело это—дело народа; моя победа это—победа свободы над произволом.

Гражданин лейтенант П. П. Шмидт (социалист вне партий), 22 октября 1905 г. Корабль „Три Святителя".

(„Лейтенант П. П. Шмидт". Воспоминания сестры, стр. 41). *(Р. Хабас).*

в панической лихорадке самодержавие на изобретение новых мер к укреплению своего „могущества", т. е. к борьбе с малейшими проявлениями свободного духа среди матросов.

По мере того, как революционное движение в 1905 г. матросов, рабочих и солдат в Севастополе росло и ширилось, захватывая массы и укрепляясь на твердых позициях, царская власть, потерявшая моральную почву для уговоров и агитации, имея в руках лишь материальные орудия удушения—охранку для революционеров, алкоголь—для отсталых, пули—для передовых слоев движения,—стало переходить от увещаний и клеветы к репрессиям.

Но прежде, чем окончательно стать на путь расправы, адмирал Чухнин, возглавивший царство народной партии, стал применять репрессии, которые он старался оправдать манифестом 17 октября. Метая громы и молнии против рабочих, бастующих и привлекающих к забастовке других, он восставал против попранной „свободы личности", на которую, по его мнению, имеют право все, желающие продолжать мирно свой труд. Бастующим были обещаны пули уже на основании конституции. И только тогда, когда царская власть почувствовала, что из недр „мятежа" зреет что-то могущее снести ее и заменить, когда она на яву увидела, как строится новая власть,—репрессии приняли характер открытой борьбы с растущей революцией.

Прежде всего надо было разрушить постоянные очаги восстания: Приморский бульвар, ставший местом регулярных митингов, и казармы флотской дивизии, напоминавшей своим состоянием мину перед самым взрывом. Поэтому, с 4-го ноября к бульвару стали посылаться боевые дозоры, а ворота флотских экипажей охраняться боевыми караулами. К 11-му, после приказа Чухнина о запрещении военным участвовать в митингах рабочих, на площадь между флотскими и брестскими казармами на Корабельной стороне, где тысячными толпами рабочие приходили на митинги к военным, стали приводить боевые роты.

Затем, когда на местный гарнизон не осталось надежды, из других городов стали стягиваться свежие войска. Пришедших солдат, перетрушенных и профильтрованных жандармерией, начиняли сплетнями и провокациями и держали под неусыпным влиянием черносотенных сил.

Меллер-Закомельский, тем временем, позаботился обезоружить броненосцы, чтобы сознанием своего бессилия повергнуть колеблющиеся части команд в состояние сомнений и трусливой покорности. Это ему блестяще удалось достигнуть.

15-го ноября на рейде катастрофа своими размерами была обязана предприимчивости „военного совета" на „Ростиславе". На двух главных пунктах восстания—„Очакове" и дивизии—был сосредоточен беспрерывный в течение 10-15 минут убийственный огонь из 11-ти морских, крепостных и полевых орудий, нескольких десятков пулеметов и тысяч винтовок. Стрельба шла всю ночь, к вечеру перенесясь из бухты в город, и лишь под утро 16-го царские палачи подсчитали свои жертвы. Думбадзе захватил в дивизии свыше 1600 человек, а вместе со снятыми с „Очакова" и восставших судов, по донесению Чухнина,—свыше 2000 чел.

Около года (до осени 1906 г.) пропускалась сквозь жандармское сито эта пленная масса, и только через год самые крупные зерна революции были раздавлены жерновами царского „правосудия".

Так, от уступок к обману, от клеветы к провокации, от лицемерия к репрессиям шла царская власть в борьбе с растущим рабочим движением, неся с собою смерть и подготовляя свою собственную гибель через 12 лет.

IV. Лейтенант Шмидт.

Центральной фигурой среди тогдашней севастопольской интеллигенции до восстания и в моменты его апогея является лейтенант Петр Петрович Шмидт.

С его именем была связана вся картина восстания флота во всей ее жуткой красоте,—с его же именем нераздельной останется и катастрофа 15-го ноября. Именно благодаря тому, что Шмидт был самым ярким и самым сильным проповедником „мирной борьбы", точнее, именно благодаря его фактической тактике, насквозь пропитанной этим политическим миролюбием,—восстание было проиграно.

Он натворил массу стратегических и политических ошибок, в полном смысле слова о д е р ж и м ы й экстатическим трепетом и слепой уверенностью в возможность разрешения „конфликта" мирным путем. Эта уверенность происходила из сознания огромной популярности, которою он пользовался в массе, а также слабости самодержавия. Эта уверенность тем не менее оказалась его иллюзией, питавшей, кроме того, всю тогдашнюю радикальную прессу. Последняя отдавала должное Шмидту, как трибуну и энтузиасту, в то же время слишком переоценивая его, как вождя.

Популярность Шмидта в массе возникла не в огне борьбы, не в результате подвига, а еще до восстания, сразу же после опубликования манифеста в Севастополе. Он тогда был командиром одного из номерных миноносцев и лишь жадно вчитывался в столичную радикальную прессу, дававшую обильную пищу его пылкой, богатой фантазии. Он, умело управляя сильным красивым словом, начиненным динамитом протеста и революционного призыва, сумел взять за живое взвинченную психологию масс, и на похоронах первых шести жертв октябрьской „свободы", над могилами, под сенью красных и черных знамен, произнес свою знаменитую

„клятву", в которой было столько же политического невежества, сколько возвышенной человеческой красоты.

Он за эту речь был арестован, и именно в тот день, когда была объявлена амнистия, отведен под конвоем, как арестант, через город к Графской пристани и брошен под стражу на „Три Святителя"; он был освобожден 10-го ноября, накануне восстания, когда за три недели глухой борьбы царские пули свалили уже не одного борца; он был офицером и среди окружавшей его среды из палачей и тиранов он первый открыто перешел на сторону революции, и это сделало его любимцем сначала матросской, а затем и всей восставшей массы.

Его авторитет был настолько силен, что с 13-го ноября, когда инициатива оказалась в его руках и он стал во главе восстания, даже совет матросских, рабочих и солдатских депутатов—совет восстания—постепенно отодвигался на задний план. Он руководил восстанием, как только вступил на „Очаков" к вечеру 14-го ноября, и от него зависело очень и очень многое в самый последний момент—после полудня 15-го ноября. Использовал ли он свою огромную популярность, неотразимый авторитет, безраздельную инициативу и способности опытного моряка?

Начнем с конца. Способностей своих, как моряк, Шмидт не проявил в течение всего восстания, так как он был решительно настроен против какого бы то ни было „кровопролития" и боялся, чтобы сами массы не нарушили этой „мирной" линии, по которой он шел нога в ногу со всей радикальной интеллигенцией. Он всячески открыто предостерегал руководимые массы от наступательных действий и, разумеется, при той горячности, которой отличались матросы, эти предостережения парализовали волю масс. Самым серьезным и важным актом со стороны восставших, по мнению самого П. П., высказанного им на заседании Совета вечером 13-го ноября, должна была быть телеграмма царю и официальное обращение к городскому голове.

Как руководитель восстания, он всю свою богатую инициативу направил не на укрепление своей боевой базы (это не безуспешно пыталась делать революционная флотская дивизия под руководством совета и блестяще проделывала царская власть), не на усиление своих шансов на боевой

Лейтенант Шмидт.

успех, а на мелкую суетливую работу ограждения восставших судов, не представлявших собою боеспособных единиц, от неприятельского огня. Он усиленно арестовывал офицеров с мелких судов, освободил заключенных участников июньского восстания на „Потемкине“ с каторжного пловучего судна „Путь“, объехал всю эскадру с оркестром музыки и революционными лозунгами, и вернулся на „Очаков“, имея на борту освобожденных потемкинцев, всю ночь с 14-го на 15-е ноября захватывал пришвартованные у берега мелкие суда, неустанно сигнализировал с восставшими частями и т. д.

Количеством арестованных и сконцентрированных на „Очакове“ офицеров он думал устрашить врага, надеясь, что последний по крейсеру по этой причине стрелять не будет; объезжая эскадру, он был уверен, что команды перевяжут своих офицеров, подымут красные флаги, и восстание будет расти. Между тем его план захвата флагманского броненосца „Ростислав“ и обезвреживания хитростью командного состава эскадры остался не выполненным. Между тем, захватывая лодки, катера и миноноски, он не трогал заградителя „Буг“, начиненного несколькими стами мин с невероятным количеством пироксилина (до 600 пудов) и ставшего после полудня 15-го ноября центром внимания, а также причиной катастрофы в этот день. И, наконец, вся жуть разыгравшейся трагедии состояла именно в том, что никакого сопротивления почти не было оказано восставшими судами, сильными духом, но обессиленными отсутствием боевых средств, и что количество выстрелов, посланных революцией врагу, можно пересчитать по пальцам.

Для того, чтобы развернуть широкую инициативу и проявить свои силы, как руководителя восстания, Шмидту надо было отказаться от тактики „мирной“ борьбы с вооруженным врагом и свой огромный авторитет и популярность в массе употребить не на атрофию, а на подъем боевого духа среди восставшего флота. Это было бы так, если бы он не представлял собою самый действительный элемент современного ему беспочвенного радикализма буржуазной интеллигенции.

Его выступление 13-го ноября в Совете и дальнейшие шаги по пути „мирной“ борьбы, которая завершилась лишь телеграммой царю, дает нам печальную картину того, что

свою популярность Шмидт употребил на резкую критику социал-демократической партии и ее тактики вооруженной борьбы.

Развивая свой план действий, он подчеркивал необходимость мирной тактики и умеренной политической программы-минимум (учредительное собрание, 8 часовой рабочий день и т. д.—были для него программой-максимум). Ближайшей задачей его было расширение сферы восстания и все та же телеграмма царю.

И в этой полемике за 2 дня до катастрофы стало яснее ясного, что линия Шмидта является лишь продуктом всей тактики тогдашней интеллигенции—внедрение в сознание масс идей борьбы не за свержение самодержавия, а за „борьбу" с ним на основе, дарованных им в манифесте, прав.

Благодаря этой тактике, которая в конкретной обстановке вооруженной борьбы была лишь на руку палачам революции, ее жертвами оказались тысячи матросов и рабочих, в том числе и сам лейтенант Петр Петрович Шмидт.

В его лице буржуазная интеллигенция потеряла певца своих идеалов, талантливого трибуна, который еще недавно вел за своим прекрасным словом десятитысячные массы, хотя это было лишь „в минуты общего ликования", как говорил он в „клятве".

Выброшенный бурным шквалом на самый гребень революционной волны, к концу восстания он уже не вел массы за собой,—это делали за него сами события, назревавшие с каждым часом, а он всецело находился под влиянием своего экстаза и безумной жажды „безкровной" революции.

Что же привело лейтенанта Шмидта к тому, что он фактически не руководил восстанием, не развернул инициативы и оказался одним из жертв борьбы?

Несомненно—его политическое „кредо".

Шмидт на суде в „Очакове" в своих речах перед судьями исчерпывающе выявил это кредо и, чтобы оно стало нам понятным, мы, разумеется, отбросим всякую мысль о том, что им на суде руководили раскаяния или трусость; слишком хорошо зная его героическую силу и красивый внутренний духовный облик, мы сможем из этих речей извлечь полное представление о его политических идеалах, которые наложили

органический отпечаток на всю его революционную деятельность.

Мы приведем ее дословно [1]) по стенографическим отчетам тогдашней радикальной прессы. Вот она:

„Вы нашли у меня программы всех политических партий. Они мне нужны были потому, что, кто серьезно готовит себя к общественной деятельности, тот должен изучить все общественно-политические оттенки всей страны. Я, гг. судьи, изучал программы не только социалистов-революционеров и социал-демократов, но и с неменьшим интересом читал и вдумывался даже в „Московские Ведомости“ и „Гражданин“. Но из всех программ и оттенков современной политической мысли России меня более всего привлекало сочетание „царь и народ“ (курсив наш. И. Г.). Тут во мне говорила не политическая сантиментальность, а глубокая вера в то, что настоящий общественный деятель должен быть не выразителем доктринерских течений, как бы заманчивы они ни были; он должен быть ярким выразителем политических идеалов целого народа или, по крайней мере, громаднейшего большинства его. А народ только верит или, по крайней мере, верил тогда, когда я был на свободе, и трогательно верил в себя и своего царя. Народ вначале бессознательно, а затем вполне уже сознательно стремился разбить эту непроницаемую стенку, которая так долго, так утомительно долго разделяла царя и народ. И вот, когда после позорной, отвратительной войны, благодаря которой на полях Манчжурии оставлено 100.000 трупов, эта стена, казалось, рушилась и наступил день такой радостный, такой прекрасный, равного которому, мне казалось, не было в истории человечества. Глубоко поверив в счастливое будущее моей родины, я думал, что это будет исходным днем ее

[1]) В изданной центрархивом книге: „Лейтенант Шмидт. Письма, воспоминания, документы“ напечатаны отрывки из речи Шмидта по копии оригинала, переданного П. П. Шмидтом З. И. Р. Текст, опубликованный центрархивом, совершенно расходится с речью Шмидта, приведенной И. Гелисом. Были ли отрывки речи Шмидта на суде, опубликованные центрархивом, пропущены тогдашней прессой по цензурным условиям, или Шмидт написал одну, а произнес другую речь,— об этом трудно судить, не имея полного текста записанной Шмидтом речи.

См. приложение № 1. *(Р. Хабас).*

величия, ее могущества и славы, что благодаря этому дню Россия, поправившись от потрясений, способна будет повести за собой целое человечество.

Но вскоре появились уже тревожные признаки, и бюрократия, это истинное зло русской общественной политической жизни, вновь зашевелилась. Я ясно уже видел старые попытки отнять у народа царя, а у царя—народ, (курсив наш. И. Г.) и тогда я почувствовал, что нам нужна немедленно Государственная Дума с учредительными функциями или учредительное собрание; нам нужно такое учреждение, истинно народное, которое отражало бы в себе всю Россию, и для этого оно должно быть глубоко демократичным, оно должно быть избрано народом без всяких подтасовок, на основании прямого, равного и тайного голосования. Это я считаю целью своей жизни. (Курсив наш. И. Г.). Я представляю себе русского царя таким, каким его представляет каждый истинный гражданин Русской земли. Он увидел бы страну, услышал бы все разнообразные ее мнения сам непосредственно, он осязал бы свой народ своими собственными руками, а не в бюрократическом толковании. Зная народ, я глубоко был убежден, что левые республиканские партии были в меньшинстве. Я не стеснялся это говорить везде и всегда, когда я полемизировал на митингах с республиканскими партиями. Я говорил: вы хотите республики, так выходите из рядов народа и идите в ряды бюрократии: стреляйте, вешайте, уничтожайте, истязайте народ и добьетесь республики. В недрах же народа, в планомерной политической борьбе и культурной политической работе вы ее не достигнете. Несмотря на все тяжелые испытания,—говорил я им,—80-ти миллионное русское крестьянство монархично. Оно столько же ненавидит бюрократию, сколько любит царя. Я знаю, что Государственная Дума с учредительными функциями или учредительное собрание будет лучшею опорой российскому трону (курсив наш. И. Г.); оно всех примирит и всех успокоит, и, если во имя этого политического идеала мне нужно было бы трижды погибнуть на эшафоте, я погиб бы с улыбкой на лице. И когда мне г. прокурор говорит, что и после 17-го октября мой политический идеал и мои политические стремления есть попытка к ниспровержению монархического строя, я сам обвиняю

прокурора в оскорблении всего русского народа и в оскорблении величества (курсив наш. И. Г). Я верю, господа судьи, что только мой идеал есть идеал действительно любящего свой народ гражданина, и если бы сам государь предлагал мне помилование ценою отступления от моего политического идеала, то я отказался бы от этого помилования. О, нет! государь не сказал бы того, что мне говорит прокурор. Если бы государь слышал меня, если бы он посмотрел мне в душу, он сказал бы мне: „Иди с миром и работай во славу мою и народа". Но его нет здесь, и кажется мне, что он меня не услышит, а видеть его я лишен возможности.

О своем участии в Севастопольских событиях я уже говорил вам. Я хотел, собирался уехать из Севастополя, я доказывал бесполезность мятежей, я говорил, что если бы войска и весь флот были солидарны, но солидарностью этой злоупотребили и начали бы агрессивные действия, то не получили бы одобрения русского народа, да и с военной точки зрения я говорил им,—я ведь, господа судьи, тоже военный, — что их всегда можно лишить продовольствия и извести измором. Я предчувствовал это кровопролитие, я боролся против него. Я говорил уже вам, что готов был плакать и целовать ноги главного командира Чухнина, но я не нашел его (курсив наш. И. Г.). Я добивался в этот страшный день свидания с главным командиром, я глубоко верил в это свидание. О, я прекрасно понимал ту разницу и в нашем общественном положении и разницу во взглядах, но я верил, верил в то, что если-бы мне удалось хотя один час провести с вице-адмиралом Чухниным, мы сошлись бы на одном — на любви к народу и мы плакали бы вместе (курсив наш. И. Г.). О, тогда, тогда, господа судьи, севастопольское кровопролитие было бы предотвращено. Господа судьи, я знаю русский народ, я видел его в деревне, я присматривался к командам,—ведь я моряк, господа судьи,— я наблюдал чернорабочих, я знаю идеалы народа и его чувства, я знаю, что народу нужна земля, что это его идеал, и потому я сделался социалистом. Не пугайтесь этого слова, — в наше время оно обратилось в жупел, а на самом деле— всякий сколько-нибудь политический человек понимает,

что можно быть социалистом, обладая самыми умеренными политическими взглядами (курсив наш. И. Г.). В последний день, день переезда на „Очаков", я преследовал ту же самую цель. Не хотел я никого расстреливать, никого убивать, и если можно говорить о трагических целях в этот страшный день, когда меня теребили, терзали, когда я падал в обморок, то их было две: предупредить разгром дивизии, заявив с красным флагом, что эскадра не солидарна с действиями усмирителей, а вторая моя цель, находящаяся в полном соответствии с желаниями государя, выраженными в манифесте 17-го октября (курсив наш. И. Г.), — необходимость немедленного созыва народного представительства с учредительными функциями или учредительного собрания, что для меня безразлично.

Господа судьи, у меня к вам одна единственная просьба: если кто и виноват в этом деле, если здесь и есть виноватые, то я один. Если нужно казнить, то казните меня, не трогайте этих несчастных людей, — они жили в этот день моею волею, а значит и ответственным за все являюсь я один. Я много думал о вас, господа судьи, за эти дни, думал о той тяжелой роли, гораздо более тяжелой, чем моя. Я понимаю, что тяжко быть судьями в этом деле, но вы исполните свой долг, как вы его понимаете. Я уверен только в одном, господа судьи, я уверен в том, что вы меня обвините, да, обвините, но история и народ оправдают лейтенанта Шмидта".

Несмотря на утверждение Шмидта, что „можно быть социалистом, обладая самыми умеренными политическими взглядами", становится очевидным, что социалистом он был меньше всего и что политические его убеждения целиком укладывались в рамку конституционного монархизма.

Его слишком свободолюбивая душа не могла мириться с бюрократическими извращениями монархии, и поэтому он восставал против бюрократии, употребляя в дело первое попавшееся под руками орудие. В данном случае этим орудием оказалась, как это ни странно, политическая стачка пролетариата, которая, останавливая государственный механизм самодержавия, ослабляла царскую власть, бюрократию. Это удивительно легко разрешало, хотя

и не своими силами, задачу борьбы с бюрократией, как ее представлял себе Шмидт.

В его глазах политическая стачка пролетариата, которая по существу являлась организующим методом рабочего движения, превращалась в орудие оздоровления монархии, способ очистить ее от бюрократической грязи и пересадить на благодатную почву конституционной демократии.

Последнее слово его на суде перед приговором лишь подтверждает его внутреннее политическое „я", обнажая всю глубину экстатического преклонения перед личностью царя.

Вот оно:

„Господа судьи, перед вашими беспристрастными глазами прошло дело, во главе которого был я. Не могло это дело стать совершенно ясным, так как оно явилось здесь как отрывок общего великого русского дела, самая сложность которого не позволяет нам, современникам, обнять его беспристрастным взором, и этот обрывок русского дела, слабо освещенный свидетельскими показаниями, ждет теперь над собою вашего приговора. Я говорил вам, господа судьи, что не должно быть произнесено в этом деле ни одного слова неправды. Только одну правду слышали вы от меня, и, я знаю, вы верили мне. Предсмертная серьезность моего положения, ответственность перед родиной побуждает меня еще раз сказать о тех молодых жизнях, которые ждут со мною вашего приговора. Клянусь вам, что те случайные свидетельские показания, которые установили ряд улик против того или другого матроса и тем увеличили вину некоторых из них не могут, не должны быть приняты во внимание. Верьте мне, что стройное накопление улик не может руководить вами, верьте мне, что все они были передо мною совершенно однородною толпой, что никому из них нельзя вменить в вину близости к Шмидту. Все они были одинаково близки мне, и если я обращался к ним со словом, то ко всем сразу. Никого из них я не мог посвящать в свои планы, потому что у меня самого не было плана. Я сам метался в глубоком отчаянии своем. Верьте же, господа судьи, что никого из них нельзя карать равным со мною приговором. Верьте, что сама правда требует, чтобы ответил я один за это дело в полной мере. Сама правда повелевает выделить меня. Я не прошу

снисхождения вашего, я не жду его. Велика, беспредельна ваша власть, но нет робости во мне и не смутится дух мой, когда услышу ваш приговор. Не первая Россия переживает дни потрясений; в истории всех народов при взаимном столкновении двух начал, отжившей и молодой народной жизни, были всегда жертвы. В минуты государственного хода не могли не возникать такие глубоко трагические недоразумения. Я встречу приговор ваш без горечи, и ни минуты не шевельнется во мне упрек вам. Я знаю, что вы, господа судьи, страдаете не меньше меня; вы также, как и мы, жертвы переживаемых потрясений народных. Без ропота и протеста приму смерть от вас, но не вижу, не признаю вины за собою. Когда дарованные блага начали отнимать от народа, то стихийная волна жизни выделила меня, заурядного человека, из толпы, и из моей груди вырвался крик; я счастлив, что этот крик вырвался именно из моей груди. Дерзновенный крик этот не достиг государя, но если бы он даже и достиг его, то и тогда я не признал бы себя виновным. Преступен тот, кто осмелился в дни мирной жизни насильственно стучаться во дворец, но когда страна охвачена пламенем, когда дворец горит, то не преступно в безумном отчаянии дерзновенно выламывать двери, чтобы крикнуть государю: „Царь, дворец в огне“, и нет преступления в самой дерзости моей, нет в ней вины; я знаю, что столб, у которого встану я принять смерть, будет водружен на грани двух исторических веков нашей родины. Сознание это дает мне много сил, и я пойду к столбу, как на молитву. Позади, за спиною у меня, останутся народные страдания и потрясения пережитых тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую обновленную Россию. Высокая радость и счастье наполнят душу, и я приму смерть. В последние минуты жизни буду думать: „да живет русский царь, да здравствует грядущее народное представительство, да здравствует всеобщее избирательное право, да здравствует святая, обновленная, могучая, свободная Россия“. (Курсив наш. И. Г.).

Вместе с тем, ему только казалось, что он знал руководимую им массу. Он ее вовсе не знал, так как его речи на рейде, на „Очакове“, 14-го ноября были лишь излияниями

его наболевшей души и нисколько не ответили на запросы масс. А эти запросы выражали жгучее желание борьбы и надежного вождя. Эти надежды на него не оправдались, хотя личность его, как жертва, окружена была ореолом мученичества.

Еще одна черта в Шмидте останавливает на себе внимание — это место в его речи, когда он говорит о самом ходе восстания. Он хотел предотвратить какой бы то ни было ценой кровопролитие и, между прочим, всех, кто был с ним в этом не согласен, в частности—социал-демократов, он был склонен обвинять в желании „затопить массы в крови". Он громко и именно в такой плоскости ставил вопрос на заседании Совета, полемизируя с социал-демократами.

Он до такой степени был уверен в силе своего убеждения, что на суде, в своей речи громко сетовал на невозможность для него в свое время иметь свидание с Чухниным. По мнению Шмидта, этот палач плакал бы, если бы он увидел вместе с ним страдания народа...

Возвышенный человеческий альтруизм, граничивший с сантиментальной наивностью по части личной святости монарха, политическая близорукость, граничащая с невежеством в самых элементарных вопросах борьбы, блестяще разрешенных матросскими и рабочими депутатами, истерическое отчаяние в самый последний момент,—отчаяние, благодаря которому никакого сопротивления вооруженному и уничтожающему врагу не было оказано,—вот составные элементы Шмидта, как человека, революционера и вождя. Таким был он в стихии восстания, таким он и погиб, оставив после себя глубокий след в среде буржуазной интеллигенции, никогда впоследствии не давшей России борцов, подобных ему.

V. Начало восстания.

Главный командир Черноморского флота адмирал Чухнин получил от морского министра Бирилева приказ принять все меры „к приведению команд в строго-дисциплинированное состояние и поднятию боевой силы флота на соответственную высоту".

Очевидно, с целью „дисциплинирования" Чухниным было категорически запрещено, под страхом репрессий, какое бы то ни было участие матросов и солдат в народных митингах и собраниях, которые, кстати, с 4-го ноября ежедневно стали устраиваться на Приморском бульваре. Ворота экипажей были заперты и охранялись целые сутки вооруженным караулом. 10-го ноября в экипажах на этой почве разыгрался форменный бунт: матросы громили ворота своей своеобразной тюрьмы, выгоняли часовых, открывали беспорядочную стрельбу в воздух. К вечеру, однако, команды успокоились [1]).

На митингах, между тем, уже раздавались призывы к солидарности войск и рабочих, к организованной борьбе за политические свободы. Тут же впервые был формулирован лозунг Учредительного Собрания и 8-мичасового рабочего

[1]) В своем докладе Вороницын говорит, что 10-го вечером состоялся открытый самими матросами митинг. Выступали, прощаясь и призывая к борьбе, уезжавшие в этот день вышедшие в запас матросы. Говорили о предстоящем суде над потемкинцами. Представители разных частей гарнизона говорили, что они присоединяются к требованиям матросов и готовы примкнуть к забастовке.

Партийные ораторы старались успокоить возбужденную матросскую массу, указывая на несвоевременность восстания, на необходимость согласовать выступление в Севастополе с общероссийским выступлением. Было постановлено выбрать депутатов, выработать требования и предъявить их начальству с угрозой, в случае отказа, прибегнуть к стачке. (Доклад Вороницына на конференции военных и боевых организаций Р. С. Д. Р. П. „Лейтенант Шмидт. Письма, выполнения, документы", стр. 236). *Р. Хабас.*

дня. Матросы, кроме того, требовали в резолюциях немедленного освобождения Шмидта, чего они 10-го ноября и добились—Шмидт был освобожден.

После запрещения военным участвовать в митингах с рабочими, создались специально военные митинги, куда тысячными толпами приходили портовые и городские рабочие, а также городские обыватели. Последним всегда принадлежала предательская инициатива распространения в наиболее тревожные моменты, наиболее волнующих массы, слухов и сплетен.

Самый активный элемент на митингах составляли матросы. Они вносили ясные предложения, всегда были склонны к решительным действиям и своим энтузиазмом опережали порой самые радикальные меры, которые предпринимались руководившим движением ядром социал-демократов.

Около 4-х часов дня 11-го ноября на площади между казармами флотских экипажей и казармами брестского полка, расположенными на Корабельной стороне собрался многолюдный митинг, в котором участвовали и пришедшие с работ портовые рабочие. Брестцы выходили группами, незначительными, преимущественно запасных; остальные, боясь гнева начальства, не выходили за пределы полка, хотя и во дворе брестских казарм хорошо было слышно все, что говорилось на митинге, так как он происходил в 40-50 шагах от ворот полка.

За полчаса до этого, к воротам флотских экипажей подошли две боевые роты: от экипажей флотской дивизии под командой штабс-капитана Кинда, а от учебного отряда—во главе с лейтенантом Кетлинским. Вскоре прибыл и исполняющий должность старшего флагмана Черноморского флота контр-адмирал Писаревский, который прежде всего отдал приказание боевую роту от учебного отряда увести внутрь двора 34 флотского экипажа, а от флотской дивизии во двор машинной школы, граничившей с двором экипажа досчатым забором; это ему нужно было для того, чтобы не выставлять боевые роты на показ участникам митинга, во избежание преждевременных осложнений.

Писаревский только-что получил необходимые указания от Чухнина через лейтенанта Свечина и направился во двор машинной школы к лейтенанту Кетлинскому для сообщения

инструкций. Во время разговора к ним подошел начальник учебного отряда Белостоцкого полка штабс-капитан Штейн и доложил, что он также привел боевую роту. Писаревский обратился во всеуслышание к Штейну и Кетлинскому: „Никого не выпускать из казарм; в случае неповиновения—стрелять". В этот момент из боевой роты Кетлинского отделился матрос Петров, зарядил на глазах у всех винтовку и тремя выстрелами дал выразительный ответ от имени боевой роты. Первым был убит наповал Штейн, последним ранен Писаревский [1]).

Это было для матросов так неожиданно[2]), что когда Кетлинский крикнул: „арестовать его", Петров был схвачен и отведен к дежурному по дивизии офицеру, лейтенанту Сергееву. Но когда его увели, боевая рота пришла в крайнее возбуждение и, под влиянием зажигающих речей ораторов, бросилась в штаб дивизии на выручку Петрова, сидевшего уже в дивизионном карцере. Сергеев, припертый к стене наседавшей толпой вооруженных матросов, ища выхода, допрашивал Петрова: „За что ты арестован?"—„Я стрелял в адмирала Писаревского и, кажется, не промахнулся".—„Ты нечаянно выстрелил?"—метался Сергеев.—„Какое нечаянно? Отделился, зарядил, прицелился—разве это нечаянно?"

„Команда требует твоего освобождения"...

И Петров был освобожден... „на поруки". Через минуту он уже агитировал с винтовкой в руке среди окружающих его возбужденных матросов. Лейтенант Сергеев все же

---

[1]) Протокол допроса Писаревского, т. 1 л. 30.

[2]) Генкин об убийстве Штейна рассказывает: „Произошло это совершенно неожиданно. Поднялась суматоха. Петрова арестовали. Часть матросов, находившаяся в это время в экипажах, с криками: „Восстание восстание... Смерть драконам"; — хотела было броситься с оружием в морское собрание, переполненное, как обыкновенно, офицерами, но прибежавшая из города Наташа Вольская удержала их от этих намерений: по ее предложению немедленно был избран временный Совет Депутатов. Петрова освободили из-под ареста и назначили дежурным по дивизии. Попадавшихся под руку офицеров обезоруживали и арестовывали".

О выступлении Н. Вольской говорит в своих показаниях и сам контр-адмирал Писаревский, что когда его раненого несли через двор, то „вся толпа была сгруппирована около 29 экипажа и слушала речь жидовки" (И. Генкин. „По тюрьмам и этапам". П. Г. Изд. 1922 г. стр. 9). *Р. Хабас.*

пытался „убеждением“ подействовать на команду и, взобравшись на трибуну, стал говорить, что „все ораторы говорят заученные фразы, с чужого голоса“, успокаивал их и просил мирно разойтись. Но изощрившиеся в дискуссиях матросы быстро обратили его в бегство.

Один из них выступил вперед и сказал Сергееву: „вот вы, ваше благородие, с нами разговариваете, говорите, чтобы мы успокоились и мирно разошлись, а сами про запас боевую роту держите и против кого, против нас—матросов“. Взбешенный таким оборотом речи, Сергеев бросился во двор 34 экипажа к шт.-кап. Кинду, чтобы сговориться с ним о положении вещей, но матросы бросились за ним. Сергеев крикнул им, что если они сделают хотя бы один шаг, то он прикажет боевой роте Кинда стрелять. Но его уже не слушали, не дали ему встретиться с Киндом, окружили боевую роту и стали отнимать у нее винтовки. Боевая рота и не думала сопротивляться, сдавая оружие и открыто присоединяясь к восставшим [1]). Сергеев со всеми офицерами дивизии были немедленно арестованы и посажены в канцелярию штаба. Писаревского и Штейна отправили в дивизионный госпиталь. Все матросы были снова распределены по

---

[1]) Вороницын в своем докладе рассказывает о действиях матросов после убийства Штейна, ранения Писаревского и освобождения Петрова: „оставшиеся без начальства солдаты смешались с матросами и отправились на митинги.

Образовалось два митинга—один на дворе экипажей—матросский, другой—на площади между экипажами и казармами Брестского полка, смешанный, из солдат и матросов. И там и здесь настроение было бурное. Было решено продолжать начатое и объявить забастовку. Ораторы предложили целый ряд требований, встреченных с энтузиазмом. Было решено произвести выборы депутатов в трех частях, где они еще не избраны“.

Начавшиеся 11-го ноября революционные события были совершенно неожиданными для с.-д. По утверждению Вороницына, никто не предполагал, что взрыв последует так скоро; наоборот, нам казалось, что должно пройти некоторое время, прежде, чем в движение втянется значительная часть гарнизона. По его словам, он вместе с несколькими товарищами, принимавшими участие в работе среди военных и с несколькими матросами—членами военной организации, решил (утром 11-го ноября) вечером на митинге все силы употребить на то, чтобы удержать особенно волнующихся матросов, находящихся на суше и направить их энергию в сторону организационной работы“ (Доклад Вороницына на конференции военных и боевых организаций Р. С. Д.

ротам в экипажах, службы решено было сохранить только самые необходимые, а к воротам была выставлена боевая рота восставших, командиром которой был избран Петров [1]).

От экипажей были избраны депутаты, заседавшие 11-го всю ночь [2]). На этом совещании решено было [3]) офицеров разоружить, из под ареста освободить и немедленно удалить из казарм, а на завтра, 12-е ноября, организовать по городу широкую демонстрацию с оркестром музыки и пойти прежде всего в брестские казармы, чтобы привлечь солдат к движению.

На следующий день, в 9 часов утра, были посланы два матроса делегатами в брестский полк для того, чтобы связаться с солдатами, провести у них выборы депутатов от каждой роты и ввести в состав матросских депутатов, но натолкнулись на сопротивление командира полка, знаменитого впоследствии палача,—полковника Думбадзе. На требования матросов не чинить препятствий к свободному

Р. П. „Лейтенант П. П. Шмидт. Письма, воспоминания, документы под редакцией и с предисловием Вл. Максакова". „Новая Москва", 1922 г. стр. 237.

И. Генкин отмечает такое, как он сам говорил, очень характерное для тактики руководителей движения, явление, что „когда на происходивший в это время митинг прибежал матрос с известием об убийстве Штейна и ранении Писаревского, говоривший в это время Вороницын старался о с л а б и т ь впечатление от выстрела Петрова" (И. Генкин „По тюрьмам и этапам", стр. 9). *Р. Хабас.*

[1]) Показания лейт. Сергеева, т. 1, л. № 221-222.

[2]) Вороницын в докладе говорит, что „в ночь с 11-го на 12-е происходили выборы в ротах и экипажах. В общем к забастовке, в первую ночь примкнуло около 2.000 матросов, находившихся в экипажах, и часть солдат Брестского полка. На судах тоже происходило брожение. На некоторых, особенно затронутых, тоже были выбраны депутаты.

12-го с утра был митинг, затем состоялось первое собрание флотских депутатов. Председателем был избран я, как представитель организации. На собрании выяснилось, что матросы решили итти мирным путем, забастовка должна быть совершенно мирной. Постановили: офицеров разоружать и прогонять, не допускать их во двор экипажей; высылать патрули, уполномочить их арестовывать на улицах и проводить в экипажи всех матросов".

[3]) Корреспондент „Крымского Вестника" (см. В. Дробот. Севастопольское восстание 1905 г.) рассказывает, что после освобождения Петрова в казармах состоялся митинг, закончившийся выбором делегатов от находившихся на суше флотских экипажей для поддержания порядка и определения дальнейших действий.

общению с казармами и выборам депутатов для совместного обсуждения солдатских и матросских нужд, Думбадзе „резонно“ ответил, что без предписания начальства он считает подобные работы „незаконными“, и уверял матросов, что если они, паче чаяния, вздумают для осуществления своих целей произвести какое-нибудь „насилие“ над солдатами, то брестцы „костьми лягут“. Через несколько часов ему привелось созерцать картину несколько иную.

В половине одиннадцатого к нему явились те же матросы, на этот раз в сопровождении двух портовых рабочих, и повторили свое требование, добавив при этом, что матросы и рабочие, в случае необходимости, смогут найти ход к солдатам и помимо офицеров. Думбадзе, видя, что положение становится серьезным, предложил матросам немного повременить, дать ему подумать. Рабочие посоветовали ему не думать принять какое бы то ни было участие в предполагающихся военных операциях против рабочих и матросов, раз'яснив ему, что об этих операциях красноречиво говорит движущаяся в город артиллерия. Матросы с рабочими удалились.

Избранные решили предъявить командующему портом три требования:

1) „Немедленное освобождение всех военных политических заключенных,

2) неприкосновенность личности депутатов и

3) собрание делегатов от всех войсковых частей Севастополя—матросов с судов и из казарм, артиллерии и пехоты—для обсуждения положения и для выработки тех мер, которые могут успокоить страну и войско“.

Командующий портом адмирал Чухнин обещал прибыть в казармы в 7 часов утра 12 ноября для заслушания этих требований. Часа в 2 ночи, по поручению еще не разошедшихся депутатов, Чухнину по телефону было дано знать, что его утром просят не приезжать, так как требования еще не достаточно обсуждены, и могут быть предъявлены лишь в понедельник 14 ноября.

Вместе с тем делегаты просили Чухнина убрать с улиц и от казарм находящиеся в его распоряжении боевые роты, заявив, что они сами ручаются за тишину и порядок. Равным образом они просили не препятствовать присоединению к ним делегатов с судов и распорядиться закрыть все винные лавки и трактиры. С своей стороны, делегаты решили не выпускать из казарм никого из матросов, поддерживая строгую дисциплину и неся все службы“. (Пролетарская революция № 6—7, 1923 г. стр. 117). *Р. Хабас.*

Не дозвонившись к начальнику дивизии ген. Седельникову, которого он хотел просить немедленно приехать в полк, Думбадзе, сам поехал в штаб крепости. Он доложил ген. Неплюеву, что у него в полку „неспокойно“: большая часть рот только что вступила в гарнизонный караул; остальные же брестцы „собираются в кучки, о чем-то возбужденно толкуют и, очевидно, что-то замышляют“. Неплюев приказал ему немедленно ехать в полк, обещав, что скоро он сам туда приедет вместе с Седельниковым [1]).

Между тем, матросы, вернувшись в штаб флотской дивизии после вторичных переговоров с Думбадзе, подняли на ноги все экипажи и менее, чем через час, площадь, разделяющая брестские казармы от экипажей, начала наполняться матросами, портовыми рабочими, а также рабочими железнодорожных мастерских, а в 12 часов дня, опрокинув стоявшую у ворот полка дежурную роту, революционная волна ворвалась во двор брестских казарм [2]) и остановилась около 1 и 2 батальонов. Флотский оркестр играл революционные гимны, из конца в конец перекатывалось могучее „ура“ и из батальонных столовых высыпали обедавшие в это время брестцы. Первым на митинге выступал унтер-офицер Брестского полка Прохор Фролов, горячо убеждавший брестцев выработать свои требования и присоединиться к восставшим. Выступавшие матросы требовали немедленно обезоружить офицеров, арестовать их, установить в полку революционную власть, отправить депутатов в штаб флотской дивизии и двинуться с матросами и рабочими в казармы белостокского полка.

Приехавшему в это время Думбадзе пришлось пробираться с трудом через двор, до отказа набитый народом. Приказав офицерам собраться в офицерском собрании, он направился туда уже с Неплюевым и Седельниковым. Лестницы и коридоры офицерского собрания были уже запружены матросами. Неплюев прочел армейским поручикам и капитанам пространное наставление о „долге службы

---

[1]) Показания командира 4 роты брестского полка Ларкевича, т. 1, л. 56-57 и ген. Седельникова, т. 1, л. 255-256.

[2]) В брестскому полку давно велась агитация солдатами—Киршенштейном, Могилевским, Михайловским и др. (И. Генкин. „По тюрьмам и этапам“). *Р. Хабас.*

и присяги царю и отечеству". Они виновато оправдывались тем, что этот „сброд" вышел совсем из повиновения и с ним ничего нельзя поделать. Приехавшие генералы, убедившись в том, что выход должен быть найден далеко за пределами полка, собрались уезжать. Только они вышли во двор, в офицерское собрание ворвалась группа матросов с Фроловым во главе и начала обезоруживать всех бывших там офицеров. Они безропотно отдавали свои шашки и револьверы „на хранение" восставшим и громко выражали трусливую надежду, что их „не тронут, так как они без оружия". Тупоумные надсмотрщики не могли понять, что не они являются главным объектом борьбы и убираются они с пути лишь как орудия в руках более сильного врага. Из казарм они удалены не были и под арест посажены также не были нерешительными брестцами. Они пользовались полной свободой действий, и это оказало на дальнейший ход событий огромное влияние.

Через несколько минут во дворе поднялся шум, слышны были крики сотен голосов. Это Неплюев и Седельников сели в экипаж и, не успев отъехать и 50 шагов, были окружены огромной толпой матросов и рабочих, не выпускавших почтенных генералов из полка. Подошедший Фролов, от имени восставших, потребовал немедленного распоряжения о снятии пулеметов с Исторического бульвара. Эти пулеметы были поставлены для обстрела демонстрации, в которой будут участвовать солдаты частей гарнизона. Неплюев такое распоряжение отказался дать. Тогда от него было потребовано торжественное обещание, что пулеметы не будут стрелять по демонстрации. Последовал отказ. Это хладнокровие палача вывело из терпения матросов. Послышались крики: „так пускай едет шагом впереди нас, по нем пулеметы стрелять не будут". Услышав это, Неплюев привстал и бледный от злости, закричал: „если вы только посмеете это сделать, то даю вам слово, что, подъезжая к пулеметам, я крикну, насколько хватит у меня голоса, чтобы открыли огонь". Терпению матросов наступил конец. Раздались крики: „арестовать их". Матросы вскочили в экипаж, сняли с генералов оружие и отвезли во флотские казармы. Там их посадили

в канцелярию штаба флотской дивизии и приставили к ним четырех часовых матросов с винтовками [1]).

Тем временем демонстрация уже организованным шествием направилась в город [2]). Впереди шел матрос с андреевским флагом, воткнутым в винтовку, за ним матросы и солдаты. Сзади шли рабочие колонны, над головами которых развевалось красное социал-демократическое знамя и черное с надписью—„вечная память борцам за свободу". Впереди всех шел флотский духовой оркестр, исполнявший революционные гимны, подхватываемые тысячеголосым хором рабочих, шедших в арьергарде демонстрации. Шествие в образцовом порядке по вокзальному спуску перешло на Екатерининскую улицу, затем вступило на Новосильцеву пл. против Исторического бульвара. Стоявшие на площади при офицерах вооруженные роты белостокского полка взяли на караул и пропустили мимо себя демонстрацию. Здесь был устроен митинг, но белостокцы, присоединяясь к требованиям матросов и солдат, отказались присоединиться к восстанию и обещали только „не стрелять". Когда демонстрация направилась на Исторический бульвар, командир белостокского полка предусмотрительно увел полк в лагери

---

[1]) Начиная от момента разоружения, даже от офицерского собрания до ареста — показания ген. Седельникова, т. 1, 256—258.

[2]) Ротмистр Васильев в своем докладе рассказывает: „Наконец, брестцы дрогнули, допустили матросов обезоружить командира полка и г. г. офицеров, которых мирно отпустили по домам, и большой толпой примкнули к матросам. От находившегося среди матросов старого народовольца Емельянова, уговаривавшего матросов не делать в городе насилий, была прислана в город записка, в коей он просил власти указать ему, будут ли стрелять в мирную манифестацию, хотя бы из воинских чинов. Ему ответили, что войска будут избегать стрельбы, и действительно, главный командир приказал белостокскому полку, вышедшему по тревоге в составе 3-х баталионов на Новосильцевскую площадь—место слияния двух главных улиц города, не стрелять. Ободренные матросы и мастеровые хлынули в город. Впереди шел флотский оркестр, за ним стройными рядами матросы. Брестцы, артиллеристы, нижние чины 49-го запасного пехотного баталиона—все без оружия, и толпа мастеровых с двумя красными флагами, из коих на одном я никаких надписей не видал, а на другом белыми большими нашитыми буквами написано было: „Да здравствует свобода. Р. С.-Д. Р. П.". („Доклад ротмистра Васильева". Лейтенант П. П. Шмидт. Письма, воспоминания, документы, стр. 223) *Р. Хабас.*

под Балаклаву. Поэтому, в дальнейших событиях Белостокский полк не играл никакой роли. Перед лицом революционной массы, пулеметы с Исторического бульвара были сняты, и здесь был организован митинг, после которого демонстрация тем же путем двинулась обратно в город. Пулеметы потом снова появились. К пяти часам вечера рабочие разошлись по домам, а матросы и солдаты—по своим казармам.

VI. В саперной роте. Крепостная артиллерия. В казармах флотской дивизии.

В городе среди сильных мира сего царила паника. Буржуазия в ужасе бежала в Балаклаву, в ближайшие деревни. Извозчики потирали руки от удовольствия, получая за конец небывалый гонорар. Поезд, отправлявшийся на север в 4 часа дня, не мог вместить и десятой доли скопившихся на вокзале „беженцев" от революции. С 5 часов началась железнодорожная забастовка. Ст. „Севастополь" прекратила движение. Распространились даже слухи о повреждении линии. Впрочем, они потом не подтвердились.

Неплюев решил заменить бастующих железнодорожников саперами, находившимися в его распоряжении, но... в этот же день они, стройными рядами, с оружием в руках, пришли во флотские казармы и присоединились к восстанию.

Случилось это так [1]). Еще задолго до манифеста 17 октября на окраинах лагеря, где жили саперы (на северных укреплениях), находили прокламации социал-демократического содержания. По прочтении их, чтобы не возбудить подозрения начальства, прокламации, под видом недавней находки, сдавались по начальству. Старший офицер Маховичь, понимая, что революционная пропаганда проникает в роту извне, пустился с дежурными офицерами в наблюдение за „жизнью", симпатиями, наклонностями, а главным образом, теми нитями, которые связывают „вверенных" ему сапер с внешним миром, давно уже не предвещавшим ничего хорошего.

Если прежде офицеры не интересовались даже экономическим бытом „нижних чинов", то призрак революции толкнул их „интересоваться" даже психологией солдат. Однако, методы изучения солдатской психологии у Маховича

[1]) Показания барона Бутлера—поручика саперной роты и вр. командира ст. офицера штабс-капитана Маховича, т. 1, л. №№ 9—17.

были весьма оригинальны: он вместе с дежурными офицерами еженощно стал заглядывать в сундучки и столики спящих сапер, удвоил ответственность дневальных, от которых требовалось знать о проникновении в роту чужих, назначал усиленные караулы, преимущественно из запасных, подлежащих увольнению в запас в надежде выявить первые протесты, проявления недовольства, брожения и т. д. Он хотел во что бы то ни стало найти „источники“ недовольства. По мнению Маховича, этими источниками явились не им же самим предпринимаемые меры, а какие-то неведомые еще „подстрекатели“, для которых вызывать брожение среди сапер—значит приводить в исполнение заранее задуманный „план“ [1]). В конце сентября жандармским ротмистром Гангардтом были арестованы по обвинению в „государственных преступлениях“ саперы Григорий Булат и Георгий Петропавловский, причем у последнего при обыске были найдены несколько пачек прокламаций. Оба они были посыльными и постоянно приносили из города новости. Они же были душою всех разговоров на политические темы, украдкою от начальства проходившие по землянкам, причем в особенно удачные моменты доставалась газета с.-д. партии, и агитация принимала планомерный характер изучения программы по пунктам. По амнистии 21-го октября Петропавловский и Булат были освобождены. Казалось бы, что таких „опасных“ агитаторов надо изолировать от всей массы сапер, чтобы избавить последних от „развращающего“ влияния социалистической пропаганды. Но, по обычной близорукости начальства, они были по выходе из-под ареста помещены в казармы, в самую гущу сапер. Через неделю записная книжка Маховича обогатилась целым рядом имен, подававших признаки „неблагонадежности“. Эта группа сапер решительно не упускала возможности вести политические разговоры при каждом удобном случае. Среди них выдвинулся серьезный коновод—Максим Барышев [2]), вынесший на своих плечах

[1]) По словам Генкина („По тюрьмам и этапам“) партийную связь с саперами наладил тов. Кондрат, присланный из Парижа в Севастополь после Потемкинского восстания.

[2]) Максим Барышев был старшим унтер-офицером, бывшим железнодорожным машинистом. И. Генкин дал следующую его характеристику: „Способный и впечатлительный, все время чего-то искавший, прямо страдавший от массы вопросов и противоречий, шевелившихся в его

всю борьбу сапер вплоть до момента открытого восстания.

Первая стычка с офицерами произошла на почве кухонных неурядиц. Дело в том, что в кухне роты потолок был неподшит и неподмазан: на открытых балках во многих местах, особенно над котлом, сконцентрировались густые гнезда прусаков. Эти прусаки всякий раз, при поднятии крышки котла, пораженные ударяющими вверх клубами пара, тысячами падали в котел с борщем. Саперы, приходя в казармы, после целого дня тяжелых земляных работ, измученные, изнеможенные, не могли дотронуться до борща, поверх которого вместо лука плавали огромные разваренные прусаки. Несколько раз на поверке сначала через „казенного" посредника—фельдфебеля, потом хором — всей ротой и, наконец, через „своего"—Барышева, к начальству сыпались просьбы отремонтировать потолок в кухне. Махович обещал купить французский порошок, посыпать им балки и „прусаки, испытывая сильную жажду, в поисках воды, потонут в ней" — таков был ответ на просьбы сапер. Действительно, прусаки, наевшись французского порошку, „тонули" в борще еще в большем количестве, чем прежде, но уже в отравленном виде. У сапер, недовольство которых росло не по дням, а по часам, получалось такое впечатление, что это прямо издевательство над ними. „Раньше прусаков французским порошком кормят, а потом нас — прусаками", — раздавалось в казарме, когда саперы оставались с одним фельдфебелем [1]).

талантливой голове, Барышев, за отсутствием подходящих людей и книг, долго блуждал в потемках. О социалистах он впервые узнал на военной службе, но не от пропагандистов, а от одного из поручиков, оригинальной и сильной натуры, крайнего реакционера и фанатичного монархиста. Офицер этот сумел внушить темпераментному и страстному Барышеву такую ненависть к социалистам, что попадись ему в то время какой-нибудь „внутренний враг", он растерзал бы его на месте. За то, когда жизнь и люди показали ему, где именно эти внутренние враги народа обретаются, он с пылом новообращенного сделался революционным социалистом.

Искренний и правдивый человек, чудесный товарищ, к тому же нечто вроде начальства—Барышев пользовался большим влиянием среди саперов". (И. Генкин. „По тюрьмам и этапам", стр. 14). *Р. Хабас.*

[1]) Показания Барышева, т. II, л. 30—31.

11-го ноября на утренней поверке от роты отделился Барышев и от имени роты предъявил Маховичу ряд требований: а) немедленное уничтожение прусаков путем ремонта кухни, б) прекращение ночных похождений дежурных офицеров и обысков у спящих солдат и в) освобождение запасных, подлежащих увольнению в запас, от несения караульной службы. Такая категоричность в самой формулировке требований, а также форма подачи их озадачила Маховича, который принялся „разъяснять" саперам, что всякие требования, предъявляемые начальству в строю, согласно всему духу воинской дисциплины и устава, означают нарушение существующих устоев и еще что-то в этом роде, но из роты выделился рядовой Максим Горонжа и обратился к Маховичу с исключающим предложением: „наше дело предъявить вам наши требования, а ваше — рассудить, как их исполнить". За эту „дерзость" Горонжа в тот же день был арестован. Барышев явился к Маховичу и от имени всей роты потребовал немедленного освобождения Горонжи. Боясь, что отказ еще более раздражит роту и может довести ее до серьезных волнений, Махович согласился освободить Горонжу „на поруки".

Утром 12-го разнеслись слухи о волнениях в брестском полку. С этого момента рота, под влиянием агитации Булата и Барышева, окончательно „выходит из повиновения". Получается приказ от начальника инженеров крепости нарядить сапер для замены бастующих рабочих железнодорожных мастерских — единодушный отказ. Штаб крепости звонит: „срочно нарядить боевые патрули для „содействия гражданским властям" — снова готов сознательный революционный ответ: „мы не убийцы, чтобы расстреливать безоружных жителей по указке полиции, как это делается во многих городах России".

Впрочем, вслед за этим приказом последовал запрос: „все ли в роте спокойно?" После довольно неопределенного ответа Маховича, получается отмена приказа: „патруля не наряжать". Опасения весьма основательные: пули сапер могли полететь в головы самих „гражданских властей".

Через час в роту приехал „сам" начальник инженеров — ген. Колосов. Получив рапорт от Маховича, генерал приказал построить роту во дворе. Помощник дежурного офицера через минуту доложил, что рота строиться не желает. Махович пошел сам и вернулся сам с тем же, что и его

предшественник. Пришлось Колосову пойти в помещение роты. Войдя в сопровождении офицеров, он громко поздоровался: „Здорово, молодцы".—Гробовое молчание. Один из командиров, барон Бутлер, заметил, что некоторые саперы „небрежно" стоят перед генералом. Он не постеснялся сделать им публичное замечание. За них ответил Барышев: „как хотим, так и стоим". Колосов сделал вид, что не расслышал и обратился к роте со следующими словами: „Вчера государю императору послана телеграмма, в которой говорится, что в числе частей, оставшихся верными долгу службы и присяги, находится и саперная рота".—Пауза. Из-за двери кто-то иронически бросил: „Напрасно старались". Это был один из матросов-делегатов, явившихся для связи с саперами из флотских казарм. Колосов опять „не расслышал" этого ответа и обратился к одному из стоявших спереди сапер: „Что ты требуешь и чем ты недоволен?" Но так уже было суждено Колосову ответы получать от Барышева.—„Требования у нас общие и высказать их могут наши депутаты".

— „Не ты ли депутат?"

— „Нет, не я—другие",—и с этими словами Барышев направился к дверям 3 взвода. Колосов пошел за ним и, увидя в дверях трех матросов, как ужаленный, отскочил назад к Маховичу и воскликнул: „Как, и матросы здесь?" Одно имя „матрос" в тогдашней обстановке, в те знаменательные дни, наводило ужас на старую власть. Впоследствии, в 1918 г., севастопольский матрос этот ужас довел до степени осязательной реальности.

Один из матросов выступил вперед и вытащил из кармана большой лист бумаги. Колосов хотел взять лист к себе, но матрос не дал. Генерал потерял уже самообладание и принялся „разносить" роту по всем правилам искусства, как вдруг поток его ругательств прервала команда: „Рота, по взводам разойдись!"—Это сказал Барышев. Как один, саперы выполнили приказание революционного командира. Обернувшись к оторопевшему Колосову и офицерам, Барышев презрительно бросил им, уходя: „нам теперь недосуг с вами разговаривать".

Экс-командирам ничего не оставалось, как скорее уйти. Махович и офицеры, проводив начальника инженеров далеко за пределы роты, возвращались обратно. Едва дойдя до казарм, они увидели, что саперы возбужденно разбирают винтовки, патроны, вещи и строятся во дворе. Через минуту

они стройными рядами с Барышевым во главе[1]) уходили по направлению к флотским казармам. Сзади шли матросы—делегаты. К одному из них подбежал Махович, пытавшийся „остановить" роту, но встретив внушительное—„на руку" и категорический вопрос „Что надо?"—вместо ответа поплелся к больному командиру роты, полковнику Жданову с докладом.

Так славно родилась революция в сердцах сапер и привела их в общий лагерь восстания к вечеру 12-го ноября.

Там в это время около канцелярии штаба флотской дивизии гудела большая толпа матросов, окруживших линейку, на которой собирались уезжать только что освобожденные из под ареста Неплюев и Седельников. Прежде чем отпустить их, от Неплюева потребовали честное слово, что он, как комендант крепости, прикажет крепостной артиллерии не стрелять. Неплюев резко заявил, что никаких обещаний он давать не намерен и, „вернувшись к исполнению своих обязанностей, я буду поступать так, как повелевает мне долг службы и присяги". Раздались крики: „Не выпускать их", „посадить их обратно". Вдруг из толпы появился какой-то солдат в форме крепостного артиллериста и громогласно объявил: „у нас на собрании было постановлено освободить коменданта, нашего начальника, без всяких условий, если же это не будет исполнено, то ни один крепостной артиллерист не присоединится к восстанию. Если же он будет освобожден, то его приказание нами не будет исполнено"[2]). Эта искусно построенная провокация возымела психологически свое действие,—масса стихла и оба генерала свободно уехали из дивизии[3]).

У этой революционной массы, только еще вкусившей боевое крещение, так велико было чувство преклонения перед волей „собрания", что ни один из бывших там матросов

---

[1]) По воспоминаниям Генкина, среди делегатов сапер, кроме Барышева, еще выделялся солдат из агрономов Назаренко. (И. Генкин. „По тюрьмам и этапам", стр. 14). *Р. Хабас.*

[2]) Показания ген. Седельникова, т. 1, л. 255.

[3]) Вороницын в своем докладе рассказывает этот эпизод с несколько другими подробностями. По его словам, на происходившее собрание воинских депутатов явилась депутация артиллеристов, которая потребовала освобождения арестованных генералов. Большинство депутатов согласилось выпустить генералов. (Доклад Вороницына на конференции военных и боевых организаций Р. С. Д. Р. П. „Лейтенант Шмидт. Письма, воспоминания, документы", стр. 238). *Р. Хабас.*

ни на минуту не усомнился в искренности того, что через два дня оказалось гнусной, кошмарной провокацией.

В крепостной артиллерии дело обстояло куда иначе, чем в остальных восставших частях [1]).

Оторванные от города крепостные артиллеристы были подвержены различным слухам и провокационной работе офицеров и попа, причем те скудные сведения, которые получались через посыльных, усердно ими обрабатывались в басни о распоясавшихся в городе „хулиганах", „жидах" и пр.

Обстановка не породила внутри их какой-либо инициативы. Лишь в течение двух дней, когда город был уже объят восстанием, под влиянием агитации с.-д. Кенига и Выгвинского, приносивших и читавших артиллеристам программу и прокламации РСДРП, крепостные начали подавать признаки мятежного настроения. Речи и беседы агитаторов слушались сосредоточенно, пункты требований и программы покрывались дружным „ура". Одно только место служило камнем преткновения для агитаторов и мишенью для черносотенной контр-агитации офицеров. Это пункт, где говорилось о церковных и монастырских землях и попах в частности. „На эфтом самом месте" — запутывалось мышление солдата, и он, стоя перед чем-то еще неведомым, науськиваемый побасенками, знакомыми еще с детства, склонялся в эти моменты к агитации офицеров. А эти последние умело переходили от частного к общему и добивались вместо выборов депутатов простого изложения солдатских нужд на бумаге и представления по начальству.

На требования прибывших из дивизии матросов присоединиться к восстанию, крепостные ответили лишь обещанием „не стрелять". Они были далеки от мысли совершить малейшее „насилие" над своими офицерами, которые этими колебаниями не преминули воспользоваться. Более чем вероятно, что провокационное освобождение Неплюева организовано именно ими, разумеется, не без помощи охранки.

15-го ноября на укреплениях, за час до исторической катастрофы, значительная часть крепостных артиллеристов была вовлечена офицерами в пение молитвы за царя и позорное „ура" с некоторой инсценировкой патриотической манифестации.

[1]) Показания штабс-капитана Сев. креп. артиллерии Илясевича, т. 1, л. 254.

Так позорно кончился слабый намек на „сочувствие“ восстанию со стороны солдат севастопольской крепостной артиллерии [1]), и не один их снаряд посеял смерть на героической арене борьбы в те памятные дни.

[1]) Это неправильно. Был момент, когда революционное настроение среди артиллеристов было сильно, и они были способны на активные действия. Этот момент упустили революционеры, и это дало возможность правительству сделать артиллеристов своим покорным орудием. Генкин („По тюрьмам и этапам“, стр. 10) рассказывает, что 11-го ноября, во время обсуждения вопроса об устройстве на 12 ноября демонстрации, в Совет Депутатов прибегали несколько сознательных артиллеристов и спрашивали: — „Как нам быть с крепостными орудиями: заклепать их или арестовывать офицеров и оставаться при пушках?“ На артиллеристов не обратили внимания, от них отделались общими фразами. Правительство оказалось более предусмотрительным: чтобы воздействовать на артиллеристов, были пущены в ход все средства вплоть до провокации. № 1-й „Правовой Жизни“ приводит рассказ солдата крепостной артиллерии, стрелявшей по „Очакову“.

„Из двух крепостных баталионов 1-й решительно отказался участвовать в обстреливании, и остался твердым до конца. 2-й баталион после уговоров и речей офицеров, согласился приступить к стрельбе лишь условно: если „возмутившиеся“ суда начнут стрелять в крепость. С этой целью семь пушек баталиона были наведены на все суда эскадры: на „Очаков“, „Потемкин“, „Ростислав“, „Трех Святителей“ и другие. Так как в крепости имеются точные измерения бухты, разбитой для прицела на квадраты, разумеется, наведение было сделано с большой точностью. Однако, солдаты были вполне уверены, что им не придется стрелять, и явившимся к ним депутатам от матросов положительно заявили, что они будут лишь отвечать на выстрелы. Они спокойно сидели за крепостными валами, закусывали, пили чай и вообще мирно проводили время. Вдруг к ним упал снаряд, тяжело ранив стоявших наверху часового и наводчика. Прибежали офицеры и стали звать их к орудиям, обращаясь на „вы“ и называя „господа“. Офицеры уверяли, что снаряд прилетел с „Очакова“ или „Потемкина“, что эти суда первые открыли пальбу на крепости. Солдаты поверили... и несчастный „Очаков“ подвергся беспощадному расстрелу. Наводчик говорит, что они угнетены и недовольны, так как теперь дело представляется им совсем в другом свете. Что касается выставленных матросами требований, они, артиллеристы, относятся к этим требованиям вполне сочувственно. Солдат добавил, что уже после начатия канонады, офицеры, для поддержания в них ожесточения, уверили их, что судно „Эриклик“, оставшееся на самом деле покорным властям, будто бы стреляет по городу. Полевая артиллерия, расположенная недалеко от братского кладбища около церкви, уверена была, что крепостные орудия стрелять не будут. Солдаты этой артиллерии также не хотели стрелять. Стрельба тоже началась здесь после того, как откуда то упало два снаряда. Первый выстрел был сделан офицером“. („Правовая Жизнь“. „Жизнь лейтенанта Шмидта“, стр. 34). *Р. Хабас.*

VII. Возникновение Совета матросских, рабочих и солдатских депутатов и лейтенант Шмидт.

Как только началась железнодорожная забастовка, в штабе флотской дивизии закипела лихорадочная организационная работа по созданию твердого руководящего ядра, которое будет объединять силы, координировать энергию и направлять политическую линию восстания. Двери флотских экипажей широко были открыты для представителей севастопольского комитета РСДРП, почти сплошь состоявшей из меньшевиков. Под его руководством был организован Совет депутатов от восставших частей, куда к вечеру 12-го ноября входили депутаты от девяти флотских экипажей, Брестского полка, саперной роты, учебного отряда, а также от портового и др. заводов и жел.-д. мастерских. Постоянным председателем был избран социал-демократ Вороницын [1]).

Активными членами руководящего ядра Совета были: „Наташа“ (Вонская), „Нина“ (Смидович), Канторович и другие с.-д., имена которых затерялись во времени и которые ждут еще своей исторической реставрации.

Социал-демократическому ядру Совета приходилось вести борьбу с воодушевляемым эсерами боевым нетерпением матросов, требовавших немедленных рещительных действий. В конце концов они согласились с необходимостью вести выжидательный образ действия: создать Совет матросских, рабочих и солдатских депутатов, связать его с организацией рабочих и поддержать надвигающуюся политическую забастовку восстанием флота. Без связи с всеобщей политической стачкой восстание заранее было бы обречено на гибель. Необходимо было прежде всего развить энергичную пропаганду в армии, сдвинуть с мертвой точки ее неподвижную волю, увлечь ее в движение; политическая стачка рабочего класса, парализуя государственный механизм самодержавия, вырывает

[1]) „Черный человек, в очках, с кадыком“,—по показаниям матросов Курлова и Любимского, т. 1, л.л. 195—198.

почву из-под его ног, а остальное довершает восставший флот, который должен составлять главную боевую базу революции.

Как мы увидим дальше, эти соображения целиком были оправданы жизнью, но события обогнали их.

Заседания Совета проходили систематически, и перед ним уже была конкретная программа работ. Он их проводил с исключительной настойчивостью. В городе во все время восстания царил образцовый порядок. По улицам ходили революционные патрули, арестовывая и обезоруживая офицеров, задерживая трусливых беглецов унтер-офицеров, фельдфебелей и пр. и регулируя движение по централизованной системе условных знаков, пропусков и часовой нормы жизни в восставшем городе.

В помещении Совета выдавались пропуска, назначались патрули, допрашивались арестованные, выдавалось рабочим жалованье, происходили заседания, на которых обсуждались важнейшие вопросы методов борьбы и организации масс и где также происходила борьба с эсеровским терроризмом, находившим себе горячий отклик среди возбужденной до крайности матросской массы.

Большая часть гарнизона, состоявшая из восставших частей, беспрекословно подчинялась Совету. Во главе их стояли надежные революционные командиры: Петров, Фролов, Барышев и другие. Депутаты, в силу самой обстановки, становились посредствующими звеньями между Советом и восставшими массами, причем на их боевой обязанности лежало всестороннее руководство избравшими их. На митинги экипажи, рабочие, воинские части приходят во главе со своими депутатами, в подавляющем большинстве—социал-демократами. Но Совет не являлся фактически революционной властью в те дни. Теперь в свете исторического анализа его деятельности становится ясным, что Совет не использовал тех возможностей, какие обстановка восстания дала ему в те дни.

Гарнизон, наполовину восставший, наполовину тяготевший к восстанию, при решительности и уверенности вождей, мог явиться той почвой, на которой выросла бы революционная власть в восставшем городе.

Меньшевики же (наиболее активные из них), поневоле принявшие участие в восстании, хотели „естественного

и планомерного" наростания его и не считали нужным принимать какие-либо меры к революционному оформлению его. Борьба с эсеровским боевизмом в их руках доходила до умаления движущих сил восстания, — поэтому Совет рабочих, матросских и солдатских депутатов, ставший уже признанным рулевым движения, дальнейшими событиями отодвигался на задний план все более; пламя переносилось с суши на море, на севастопольский рейд, где спустя три дня разыгралась величайшая трагедия в истории революции.

Однако, не будем ни на минуту терять нашей последовательности в изложении всего происходившего.

Вечером, 12-го, во время шума, происходившего вокруг освобождения генералов Неплюева и Седельникова, брестские солдаты позорно бежали в лагери и не через ворота, где дежурила революционная боевая рота, а с задней части двора через проломленную стену. Утром, 13-го, Брестский полк уже в походном порядке вернулся в свои казармы, где занял оборонительное положение. А спустя два дня они посылали предательские пули в восставшие массы, слепо выполняя адский план подавления восстания, задуманный всей Романовской сворой, под начальством палача Думбадзе.

Что внесли с собою брестцы в движение и какую роль они могли играть в деле революционного созидания? Вот вопрос, на который с полной ясностью можно найти ответ, лишь обозрев их деятельность с момента присоединения до позорного бегства. В митингах, происходивших между казармами полка и флотскими казармами, участвовала незначительная часть брестских солдат, остальные предпочитали лучше питаться слухами, чем своим непосредственным участием разгневить начальство. Когда революционные массы ворвались в казармы, то настроение брестцев не поднималось выше мизерных солдатских требований, да и те своим появлением в значительной степени были обязаны толчкам извне; они проявляли крайнюю нерешительность во всем: при разоружении офицерского собрания, при задержании Неплюева и Седельникова — все это делали за них матросы при их пассивном созерцании всего того, что происходило на их глазах.

Вернувшись с демонстрации в свои казармы, они не успели еще шевельнуть мозгами о всем виденном

и слышанном, как попали в черносотенные объятия оставшихся на свободе офицеров и, между прочим, полкового попа. Началось с „жидов“ и кончилось алкоголем и подарками, целыми возами, доставленными в полк по распоряжению начальства. В лагерях офицеры с попом усиленно налегли на смущенную взмятеженную психологию брестского мужика и, набив его мозги вполне реальными (как это оказалось впоследствии) перспективами правительственного возмездия, добились искреннего покаяния, так ярко прозвучавшего в кровавом вихре варфоломеевской ночи 15-го ноября.

Матросы, самая жизнь которых делает их людьми с неиссякаемым запасом энергии, силой воли, подвижностью, решительностью и прекрасной боевой ориентировкой, рабочие, саперы, отличающиеся способностью к сплоченным действиям, безусловной солидарностью, сознанием стоящих задач в общей борьбе — это та сила, которая созидала элементы нового в восстании и которая в самый решительный момент была поражена пассивностью и предательством крестьянских элементов.

„Трения между пролетарским меньшинством и крестьянским большинством армии проходят через все наши военные восстания, парализуя и обессиливая их. Рабочие приносят с собой свои классовые преимущества: интеллигентность, техническую выучку, решительность, способность к сплоченным действиям. Крестьянство приносит свою подавляющую численность. Армия механически преодолевает производственную разрозненность мужика посредством всеобщей воинской повинности, а его главный политический порок, пассивность, превращает в свое незаменимое преимущество. Если крестьянские полки и вовлекаются в революционное движение на почве своих непосредственных казарменных нужд, то они всегда склонны к выжидательной тактике, и при первом же решительном натиске врага покидают „мятежников“ и позволяют снова впречь себя в ярмо дисциплины. Отсюда вытекает, что методом военного восстания должно быть решительное наступление без остановок, порождающих колебания и разброд, но отсюда же видно, что тактика революционного натиска встречает главное препятствие в отсталости и недоверчивой пассивности солдата-мужика“ (Троцкий—„1905“, стр. 198).

Каково было состояние матросов, нетрудно себе представить. Уныние сменило боевую радость, по углам стали раздаваться голоса, в которых звучало разочарование, — но только на минуту: во флотские казармы влилась свежая, бодрая, полная воли и сознания революционная струя, — к восстанию присоединились саперы. Боевое настроение вновь воспрянуло в центре движения, и все снова казалось вполне реальным и возможным.

На рейде в этот день восстание вспыхнуло в тот момент, когда революционная демонстрация проходила обратно с Исторического бульвара в город. Первый красный флаг взвился на броненосце „Пантелеймон“ [1]), сохранившем во всей чистоте славные „потемкинские“ традиции июньских дней и теперь посылавшем свой братский привет восстанию. Он стоял теперь, недавно еще мощный гигант, расслабленный увезенными и упрятанными в арсенал замками от орудий, наводивших трепет на царскую власть, и над ним реяло красное знамя надежды в близкую, грядущую победу...

Рядом с ним стоял под красным знаменем „Очаков“, недавно отстроенный крейсер. С „Ростислава“ ответили сигналом: „вижу ясно“. К утру 13-го ноября к восстанию присоединились 7 крупных и мелких судов, постоянно связанных со своими экипажами, откуда с 11-го ноября на суда ежедневно ездили депутаты, поддерживавшие в командах дух возмущения и держали их в курсе происходящих событий.

А события с утра 13-го ноября разворачивались с лихорадочной быстротой. В Севастополь стали стягиваться войска из Симферополя и Одессы, так как надежды на местный гарнизон было очень мало. Первым прибыл батальон Литовского полка. Из Одессы двигался Измаильский полк. На следующий день прибыли кавалерия Крымского дивизиона, Симферопольский резервный полк. Для руководства военными действиями приехал командир 7-го корпуса, заслуживший особую „высочайшую“ благодарность за расправу,

[1]) Вороницын в своем докладе говорит, что еще 12-го ноября во время демонстрации Сиротенко была сделана попытка овладеть „Потемкиным“. Он с товарищами проехал на судно, произнес там речь и поднял красный флаг. Флаг провисел недолго: офицеры с несколькими матросами успели сорвать его с мачты. (Доклад Вороницына на конференции военных и боевых организаций РСДРП. „Лейтенант П. П. Шмидт“. Письма, воспоминания, документы, стр. 238). *Р. Хабас.*

ген.-лейтенант Меллер-Закомельский. Город был объявлен на военном положении, а крепость—даже на осадном. При этом поспешность Неплюева, старавшегося изо всех сил перед „начальством", была столь велика, что приказы о военном, а затем об осадном положении были даны один за другим, в один день.

Утром на берег с судов съехались депутаты „Очакова", „Пантелеймона", „Ростислава", „Чесмы", „Трех Святителей", „Синопа" и „Памяти Меркурия" для координирования действий флота с восстанием в городе. Депутатами были, разумеется, рядовые матросы и, в крайнем случае, средний технический персонал корабля. Большей частью все они имели техническую подготовку в минно-машинном деле. Но среди них не было ни одного, кто мог бы взять на себя ответственность не только управлять флотом, но и строить какие бы то ни было планы относительно участия его в боевых действиях, да еще в обстановке вооруженного восстания, где требуется не только глубокое знание военного дела, но и развитая политическая ориентировка, боевое предвидение, и где иногда незначительное упущение может оказаться гибельным для дела вследствие своеобразного сцепления обстоятельств. Судовые депутаты отлично сознали это и чувствовали, что для успеха восстания недостает руководителя, популярного в массе, хорошо знающего военное дело и способного разжечь уже вспыхнувшее пламя восстания в революционное зарево... и в умах моряков во весь рост встала фигура отставного лейтенанта Петра Петровича Шмидта [1].

Днем назад освобожденный из-под ареста после знаменитой „клятвы", Шмидт хотел уехать в Одессу, где он имел широкие связи среди моряков торгового флота, на котором он раньше служил, хотел поднять там восстание и, имея под

---

[1]) Показания Курлова и Любинского, т. 1, л. л. 195—198. Между прочим, оба были членами Совета.

„13-го ноября, во время происходившего во дворе флотских казарм многотысячного митинга, уже были получены совершенно неопровержимые сведения о готовящемся подавлении восстания силами некоторых судов Черноморского флота и винтовками и пулеметами солдат Брестского, Белостокского, Волынского, Литовского и других полков, частично или полностью прибывших в город по вызову

собой такую хорошую материальную базу, двинуться на соединение с восставшими судами в Севастополь, заставить сдаться царское правительство на „мирных“ условиях и добиваться своей цели.

Цель, которую Шмидт себе представлял в революции, сводилась к идеям „всеобщего равенства“, „народного представительства“ от всех классов общества, мирного сожительства и сотрудничества всех элементов, но под управлением монарха. Шмидт не понимал смысла и значения республики и не представлял себе Россию без царя. Он считал, что царя и народ разделяет бюрократия, мешающая царю управлять страной; он знал, что весь государственный механизм находится в руках министров, а также целой сети царских прислужников и поэтому для того, чтобы наглядно показать бессилие министров и всю силу народа, он ухватился за идею всеобщей политической забастовки. Она, по его представлению, должна была убедить царя „даровать“ Думу с учредительными функциями или учредительное собрание на основе всеобщего избирательного права.

Идея вооруженного восстания была глубоко противна всему облику и внутреннему духовному складу Шмидта. Он был больше всего настроен против каких бы то ни было насильственных действий и, как мы увидим это впоследствии, до последнего момента исчерпал все средства, чтобы разрешить „конфликт“ „мирным“ путем.

Он не верил в победу восстания, более того, он был уверен в его неизбежной гибели, и когда 13-го утром к нему на квартиру пришли депутаты с судов и заявили, что он— единственный, который может повести восставший флот и довести дело до конца, как опытный моряк и всеобщий любимец, когда они ему показали, что назад уже нет возврата и его отказ ляжет на его революционной совести, он

ген.-лейт. Меллер-Закомельского. Присутствовавшие на митинге Конторович, Вороницын и Смидович не только не могли предложить сколько нибудь существенного плана самообороны, но, наоборот, горячо оспаривали самую возможность вооруженного разгрома. Однако, эти заверения не смогли успокоить взволновавшуюся массу матросов, и в толпе стали раздаваться сперва единоличные, а затем почти всеобщие требования обратиться „за советом к лейтенанту П. П. Шмидту“. (В. Дробот. „Севастопольское восстание 1905 года“. „Пролетарская революция“ № 6—7 1923 г., стр. 137).

мужественно согласился стать во главе восстания только потому, что в эту минуту понял весь ужас создавшегося положения: если матросы останутся без вождя, то они утонут в крови благодаря одному лишь незнанию, как вести борьбу.

Его нравственный уровень покоился на началах возвышенного христианского альтруизма и только из этого состояния бесконечной любви к „мятущемуся народу", Шмидт пошел сознательно на верную смерть.

Перед ним не было никакой ясной перспективы, никакой стройной программы действий. В своем последнем слове на очаковском процессе он говорил, выгораживая подсудимых матросов и беря всю тяжесть дела на себя:

„Никого из них я не мог посвящать в свои планы потому, что у меня самого не было плана. Я сам метался в глубоком отчаянии своем. Верьте же, гг. судьи, что никого из них нельзя карать равным со мною приговором" („Русские Ведомости" № 55).

С пришедшими к нему судовыми депутатами он говорил недолго, разъяснив им, что все экономические требования без политических пунктов об учредительном собрании и политической забастовке не более как чепуха и цели не достигнут.

В тот же день Шмидт выступил на заседании Совета, где он развил свою точку зрения и высказал соображения относительно техники работы на рейде. Для того, чтобы обезвредить судовое офицерство, он предполагал хитростью захватить флагманский-броненосец „Ростислав", поднять сигнал: „адмирал требует к себе командиров" и арестовать их, посадив на „Очаков". Колеблющиеся части матросов с судов, после ареста офицеров, быстрее примкнут к восстанию. Во главе каждого судна должны стоять надежные революционные командиры, избранные всей командой. После захвата всей эскадры, по мнению Шмидта, необходимо было выйти в море и немедленно послать телеграмму царю с требованием учредительного собрания. При этом он узнавал у судовых депутатов о положении на судах, о числе сочувствующих матросов в командах, об их настроении, о состоянии военного снаряжения, о количестве боевых припасов и т. д.

По вопросу, принципиальному, о посылке телеграммы царю и вообще „мирном“ методе борьбы с вооруженным врагом, между социал-демократической частью Совета и Шмидтом произошла серьезная полемика, в которой обнаружилось, что вольно или невольно огромная популярность Шмидта в массе, как оратора и энтузиаста, служит укреплению пагубного течения „борьбы на основании дарованной конституции“, которое тогдашняя интеллигенция вообще старалась внедрить в сознание масс и которое со всей ясностью обнаружилось лишь после подавления восстания.

Шмидт, находясь на удобной позиции „социалиста вне партий“, открыто восставал против республиканских партий вообще и социал-демократической—в частности. Эсеров он порицал за их бессмысленный террор, социал-демократов—за программное „игнорирование“ крестьянства, обе партии—за их тактику вооруженной борьбы. Вот его слова на очаковском процессе, в речи перед судьями, помещенной в „Русских Ведомостях“ № 49:

„Я говорил: вы хотите республики, так выходите из рядов народа и идите в ряды бюрократии: стреляйте, вешайте, уничтожайте, истязайте народ и добьетесь республики. В недрах же народа, в планомерной политической борьбе, культурной, политической работе (курсив наш. И. Г.) вы ее не достигнете“.

Давно забытый историей термин „народ“ заслонял у Шмидта конкретное представление о борьбе рабочего класса, не говоря уже о признании за рабочим классом гегемонии в революции.

VIII. На крейсере „Очаков".

На следующее утро, 14-го ноября, лейтенант Шмидт перебрался на „Очаков"[1].

Крейсер, на котором вспыхнули первые искры возмущения в те знаменательные дни, ставший боевым центром восстания, „Очаков", недавно построенный, только что вернулся на рейд из пробного плавания.

На нем еще оканчивали работу 300 человек рабочих крупных заводов Петербурга и Москвы. Эти рабочие, „мастеровые", как их тогда называли, принесли с собою веяния революционного севера и вели социал-демократическую агитацию среди команды на почве матросских экономических нужд, постепенно придавая им политическое значение. Под влиянием этой работы, команды, сначала скрыто, потом явно стали выражать свое недовольство относительно пищи, дисциплины, перенося его по адресу офицеров и командиров.

8-го ноября командир „Очакова", капитан I ранга Глизьян попытался разогнать собравшуюся „в кучу" команду машинного и кочегарного отделения и потерпел полное фиаско. Команда отказалась разойтись: „Не боимся угроз, хуже не будет".

9-го ноября Глизьян, здороваясь с командой, услышал в ответ несколько жиденьких голосов и, когда он принялся „распекать" команду, она разбежалась и, собравшись на шканцах, кричала: „Долой командира". Прибывшему через два часа военному прокурору был матросами предъявлен целый ряд претензий на грубое обращение командира, на плохое качество пищи; кроме того, команда потребовала разрешения свободного участия в митингах и возложения на офицеров обязанности заниматься с матросами каждый день по вопросам устройства государственной жизни России.

[1]) Воспоминания Мартыненко, Дудина и Карнаухова-Краухова.

10-го ноября никаких волнений не было. Службы проходили обычным путем. Мастеровые целый день наполняли воздух стуком и грохотом. Матросы собирались кучками и, как только проходил кто-либо из начальствующих лиц,— расходились.

11-го ноября, в 9 часов утра, по обычному сигналу команда собралась на левых шканцах, где и построилась во фронт вместе с кондукторами и офицерами для развода по специальным работам. В этот момент на крейсере было 200 человек рабочих, которых начальство подгоняло закончить все работы к определенному сроку. Старший офицер „Очакова", лейтенант Скаловский, подошел к стоявшей во фронт команде и не успел еще что-либо сказать, как к нему подошел бывший слегка под хмельком рабочий Сормовских заводов Цибульский и, усмехаясь, сказал: „вот вы поздороваетесь с командой — она вам ответит, а Глизьяну не ответит". Скаловский хотел что-то возразить, как на шканцы вошел командир Глизьян и, поровнявшись с правофланговыми, произнес обычное приветствие. Большинство матросов зевало по сторонам. Отчасти расслышать приветствие мешал стоявший в воздухе грохот — так или иначе, но ответ на приветствие командира получился такой же, как и вчера. Глизьян рассвирепел, начал осыпать фронт площадной бранью, угрожал каторжными работами и обещал команде выщибить у нее из головы „жидовский дух", которого они набрались. Как на грех, именно в эту минуту к Скаловскому подходит рабочий Цибульский и бросает ему полное иронии замечание: „ну, что-ж, говорил я, что с вами команда лучше поздоровается, чем с командиром?"

Услыхав это, Глизьян окончательно пришел в ярость, затопал ногами и хотел ударить Цибульского, но в дело вмешались мастеровые и увели своего „подвыпившего" товарища. Придя в себя, командир приказал экипажу выстроиться во фронт на жилой палубе. Команда, по уходе Глизьяна, начала осыпать его насмешками и острыми словцами. Один из матросов спросил: „Чего это Лизьяшка так сердится?" — „Наверно, какой-нибудь армейский полковник жену у него угнал поить, а ему велел корыто нести, вот он и бесится", — хохоча, отвечал другой. Вошедший лейтенант

Крейсер „Очаков“.

Скаловский скомандовал: „во фронт". Все встали и вытянулись, как по ниточке.

— Ребята,—начал свою речь Скаловский:—вы с командиром не шутите, поймите, что если виновные не будут выданы, а он захочет найти их, то поставит всех во фронт, отсчитает девять человек, а каждого десятого упрячет под военно-морской суд.

— Что-же мы ему плохого сделали,—загудела команда,—что он начал площадной бранью поливать, да еще угрожал каторжными работами?

— А вы не обращайте на это внимание,— посоветовал старший офицер,—ведь знаете, что он горяч, но отходчив.

На этом разговор кончился.

В 3 часа командир Глизьян поехал на „Ростислав" с докладом к старшему флагману контр-адмиралу Федосееву.

Тем временем разнесся слух о волнениях в казармах флотских экипажей, об убийстве офицера Белостокского полка Штейна и ранении контр-адмирала Писаревского восставшими матросами. Эти сведения приносились мастеровыми, приезжавшими с берега и пользовавшимися свободой действий в свободное от работы время. Команда зашумела и заволновалась.

Утром, 12-го, в дивизии были подняты позывные „Очакова" и сигнал: „прислать депутатов". Команда стала нервничать, просить вахтенного начальника лейтенанта Винокурова отпустить кого-либо на берег узнать, что там происходит. Сигнал повторился. Команда стала настойчиво требовать от офицеров отправки депутатов. На вопросы дивизии ответили, что депутатов пришлют.

Командир „Очакова" капитан Глизьян собрал свои вещи и переехал на берег, оставив своим заместителем старшего офицера Скаловского. Вскоре стали назначать людей в боевую роту. Скаловский вызвал из числа команды Докукина, Гладкова и Чураева (кстати,—все трое с.-д.) и спросил их, будут ли они стрелять в случае необходимости. Они, конечно, отказались.

Еще накануне, 11-го на крейсере было получено приказание главного командира Чухнина: „кто не колеблясь стоит за царя, пусть останется на корабле. Кто не желает иметь его и полагает, что может произойти то, что произошло

в дивизии, могут быт свезены на берег". Скаловский объявил этот приказ лишь на следующий день, 12-го, после ухода Глизьяна. На вопрос: „кто за царя?—команда дружно ответила: „все". Тем не менее, приказание выйти вперед всем, кто считает дивизию мятежной,—повисло в воздухе. Никто не двинулся с места. Сочувствие команды восстанию становилось очевидным.

В команде поднялся ропот, что начальство стремится разделить их надвое и посредством одной части задушить другую. В этот момент на крейсер прибыл офицер с „Ростислава" и передал, что по приказанию главного командира по „Очакову" будет открыт огонь, если он еще раз подаст сигнал в дивизию. „Ну, пусть стреляют",—было ответом.

Дивизия, не дождавшись обещанных с „Очакова" депутатов, послала к нему своих депутатов узнать, в чем дело и почему произошла такая задержка. Несмотря на протесты старшего офицера, депутаты на палубу взошли и моментально были окружены командой, изголодавшейся по новостям.

Видя, что ему больше нечего делать на корабле, Скаловский отправился к главному командиру и вернувшись около 4 часов дня вместе с флаг-капитаном, приказал играть большой сбор. Услышав сигнал, вся команда крейсера вместе с офицерами построилась на шканцах. Среди полного молчания, Скаловский прочел приказ, в котором он утверждается исполняющим должность командира крейсера I ранга „Очаков".

— В силу данных мне полномочий,—закончил он,—приказываю артиллерийскому офицеру сегодня же собрать все огнестрельное оружие, а также ударники и свезти в арсенал порта.

Команда после обычного приказа,—„разойдись", молча начала расходиться, а офицеры принялись собирать винтовки, стоявшие в пирамидах, и сносить их в одно место.

Исподлобья, с чувством затаенной злобы, следили матросы за работой людей, в которых они впервые увидели своих смертельных врагов. Кое-где перешептывались. Атмосфера сгущалась все больше и больше. Чувствовалась близкая развязка. Слышен был только стук и бряцанье сваливаемых на палубу винтовок.

Вдруг, эту зловещую тишину пронизал отчаянный вопль комендора Антоненко: „Братцы, что вы смотрите, винтовки забирают... ведь, нас же бить из них будут".

Как громом этот призыв грянул в головах команды, собравшейся в этот момент на баке. Антоненко бросился туда, и через несколько секунд человек сто окружили артиллерийского офицера.

— Ваше благородие, куда вы винтовки забираете?—вырвался сдержанный стон из сотни грудей.

— Вы слышали, что говорил старший офицер?—отвечало „благородие".

— Доложите новому командиру, что винтовок отдавать мы не согласны и свезти их с судна не дадим.

Вызванный Скаловский услышал то же самое. Он приказал оружие сложить обратно в пирамиды, но добавил, что, в виду явного неповиновения экипажа приказаниям начальства, последнее вынуждено будет покинуть крейсер.

В 6 часов вечера сыграли сбор, и командир официально заявил стоявшему во фронт экипажу, что если команда не переменит своего решения и не отдаст винтовок, то весь офицерский персонал съедет с крейсера.

Не получив никакого ответа, если не считать нескольких трусишек, взмолившихся: „возьмите и нас с собой", на которых даже Скаловский рукой махнул, он поехал с докладом о случившемся к старшему флагману на „Ростислав". Через полчаса он вернулся и приказал всем офицерам и кондукторам крейсера быть готовыми к отъезду в 9 часов вечера. В назначенный час паровой катер, наполненный этими „добровольными изгнанниками", отвалил от левого борта и направился на „Ростислав".

Сейчас же, предоставленная самой себе, команда крейсера избрала депутатов под руководством кондуктора Частника. Депутаты поехали в дивизию и привезли оттуда бодрую боевую уверенность, сознание предстоящей борьбы, и когда к 11 часам вечера на крейсер прибыли обратно офицеры со Скаловским во главе, то его попытки вернуть команду на „путь истинный" потерпели окончательный крах. Офицеры собирали матросов, „убеждали" в несбыточности их политических требований, приводя в пример „первые ласточки" народоправия—Государственную

Думу. „Вот настанут выборы, вы тоже можете попасть в выборщики—глядишь, кто-нибудь и из вас пройдет туда". Бывалые матросы, из стариков, укоризненно покачивали

Кондуктор Частник.

головами: „Зачем говорить неправду, ваше благородие, нешто могут такие, как мы, серые, простые люди в Думу попасть Государственную?"

13-го ноября, в 4 часа дня, адъютант Чухнина лейтенант Сухачевский привез какие-то инструкции командиру, а в 6 часов команда выстроилась на шканцах с офицерами и кондукторами. Скаловский еще раз торжественно, от имени Чухнина заявил, что если команда добровольно не сдаст оружия, то офицеры окончательно съедут с крейсера, с которым будет поступлено, как с мятежным судном. Матросы наотрез отказались. Офицеры снова уехали. На „Ростиславе" военный совет решил произвести над командой „Очакова" в некотором роде психологический эксперимент: выждать пока угрозы расправой, чувство неизвестности, страшная усталость и высшее нервное напряжение возьмут свое и склонят команду на путь соглашательства и уступок. К 11½ часам

ночи Скаловский вместо себя послал флаг-капитана Сапсая. Последний собрал команду на шканцы и в „последний раз“ предупредил их о последствиях их упорства. В среде команды начались колебания. Одни кричали: „не отдавать, не отдавать“, другие—„отдать, на чорта они нам“. Снова выступил вперед Антоненко и стал призывать матросов:

— Друзья, что вы делаете, зачем винтовки отдаете? Помните, после горе вам будет, вы видели и слышали, что было с командой учебного судна „Прут“.

Офицеры опять ушли ни с чем. В половине второго ночи возвратились с берега депутаты „Очакова“, бывшие там на заседании Совета. Поместившись в кочегарном кубрике в третьем отсеке крейсера, у непроницаемой переборки, около 83-го шпангоута, в тесном кругу неспящей команды ими были прочитаны вслух требования матросов. Требования эти были чисто экономического характера. Вот они во всей неприкосновенности [1]): 1) сокращение срока морской службы с 7 до 5 лет, 2) погрузка угля на суда должна производиться не командой, а вольными артелями, 3) при стоянии судов на якоре или на швартовах, гребные средства передвижения должны быть заменены паровыми или моторными, 4) низший матросский оклад жалования во время кампаний ограничивается 25 рублями в месяц, увеличение этой цифры должно зависеть от занимаемой должности (а не от срока службы, как того хотелось начальству, см. беседа фон-Эссена с журналистом, „Наша жизнь“ № 270), 5) каждому матросу, выходящему в запас, выдается 50 рублей, 6) казенное обмундирование при этом не отбирается, 7) обязательное обращение на „вы“, 8) титулование: „ваше благородие“ и „ваше высокоблагородие“ заменяется—„господин капитан“, „господин мичман“. Генеральское „ваше превосходительство“ остается. Вот и все. Действительно, без пункта об учредительном собрании и других политических требований

[1]) Дробот („Севастопольское восстание 1905 г.“) приводит совершенно другой список требований, выработанных делегатским советом. Такие же, как в статье Дробота, требования приводятся в книге А. Избаш („Лейтенант П. П. Шмидт“. Воспоминания сестры) с добавлениями, что они были расклеены на улицах Севастополя накануне восстания (см. приложение № 2). *Р. Хабас.*

значение этого списка сводится к нулю. Впрочем, на следующий день пункты об учредительном собрании, политической забастовке и 8-мичасовом рабочем дне были включены одновременно со всеми частями восставшего города.

14-го ноября был день, прозвучавший странным диссонансом в ту пору, когда атмосфера была заряжена и взрыв мог произойти от первого сильного толчка какой-либо из борющихся сторон. Был день „тезоименитства" августейшей карги—Марии Федоровны. По привычке, по какой-то бессознательной рефлексии команда стояла в полном порядке на чисто вымытой палубе. Фали разнесены, построены флаги для расцвечивания и вообще крейсер имел нарядный вид. То же самое творилось и на остальных судах. Вот на флагманском корабле подняли и спустили исполнительный сигнал. Тотчас же на всех судах, стоящих на большом рейде, раздались команды вахтенных начальников: „смирно, флаг-гюйс, флаги поднять". Эта же команда была исполнена и на „Очакове" с тою лишь разницей, что командовал не офицер, а унтер-офицер.

В городе было в этот день много движения и жизни. Приморский бульвар был украшен красными флагами. На Театральной площади, прилегающей к бульвару, народу было столько, что протиснуться было невозможно. По улицам двигались войска в полном боевом снаряжении. На Исторический бульвар с грохотом прошла полевая артиллерия 13 бригады; видно было, как на северной стороне, около военного лазарета устанавливались полевые орудия; на углу Пушкинского переулка и набережной Южной бухты, около дома городского головы Максимова стояли пулеметы.

В 3 часа дня прибывший на „Очаков" лейтенант Шмидт выступил с речью перед командой крейсера. Он говорил матросам о великих идеалах, воодушевляющих каждого свободного гражданина в этом великом деле, что надо всеми силами стремиться к тому, чтобы восстание захватило все, без исключения, суда эскадры, что оно тогда лишь будет обеспечено успехом, когда восстанет армия. Он говорил о недопустимости какого бы то ни было намека на кровопролитие и о том, что надо уладить конфликт мирным путем. Заявляя об абсурдности матросских требований без пунктов учредительного собрания и политических свобод, Шмидт говорил о том, что для всего

этого надо послать немедленно телеграмму царю с требованием об удовлетворении этих пунктов.

Между прочим, эта речь Шмидта, в которой он неизменно проводил линию, представлявшую собой смесь монархического конституционализма с республикой, не оставила среди слушателей того глубокого впечатления, какое его речи обыкновенно оставляли в прежнее время. То, что творилось на берегу, слишком противоречило возможности „мирного“ разрешения конфликта, возникшего между смертельными врагами.

IX. На рейде.

Ночью с 14-го на 15-е на крейсере закипела лихорадочная работа. Контр-миноносцы „Свирепый“, „Заветный“ и три номерных миноносца №№ 265, 268 и 270 были захвачены и отведены к „Очакову“. Пришвартованные у восточного берега Южной бухты мелкие суда также снимались и отправлялись на рейд, группируя их вокруг крейсера. В 8 часов утра на „Очакове“ высоко взвилось красное знамя и был поднят сигнал: „Командую флотом. Шмидт“. Вслед за этим на восставших судах были также подняты красные флаги. В это же время Шмидт [1]) обратился к городскому голове А. А. Максимову со следующим заявлением [2]):

„Г-ну городскому голове.

Мною сегодня отправлена государю императору телеграмма следующего содержания:

„Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва учредительного собрания и перестает повиноваться вашим министрам.

Командующий флотом Шмидт“.

Через некоторое время, около 11-ти часов утра, от „Очакова“ отвалил паровой катер и контр-миноносец

[1]) Утром 15 ноября по городу были расклеены следующие два объявления: „В случае каких-либо насилий со стороны казаков по отношению к гражданам, я вынужден буду принять решительные меры.

Командующий флотом П. Шмидт“.

„Объявление командующего, избранного восставшими военными силами. Если мои люди, арестованные властями, не будут освобождены, или с ними учинено будет какое-нибудь насилие, то я также поступлю с офицерами, находящимися у меня на борту крейсера: начну по старшинству. Командующий Черноморским флотом Шмидт“. (В. Дробот. „Севастопольское восстание 1905 г.“, стр. 163).

[2]) Кроме письма городскому голове, П. П. Шмидтом было отправлено еще одно письмо севастопольскому градоначальнику:

„Свирепый“, на мостике которого стоял „красный адмирал“ П. П. Шмидт. На корме вольно реяло красное знамя. Его сопровождал оркестр духовой музыки и боевая рота восставших матросов.

На берегу тысячные толпы народа с затаенным дыханием следили за каждым движением отчаянно-смелого миноносца, пустившегося вдоль по эскадре мимо броненосных гигантов, способных одним дуновением своих жерл превратить его в ничто.

„Свирепый“ шел малым ходом, замедляя его при приближении к каждому судну. Оркестр играл революционные гимны. А на кораблях в это время офицеры стояли, вооруженные револьверами на выходных люках из нижних помещений, куда „неблагонадежные“ команды были загнаны на время путешествия „Свирепого“. Иллюминаторы нижних помещений были забиты матросами, на перебой старавшимися хоть что-либо разглядеть из того, что творилось на воде.

Вот „Свирепый“ подходит к „Ростиславу“, стоящему под флагом старшего флагмана. Со „Свирепого“ гремит „ура“, на „Ростиславе“ отвечают и оглушительными раскатами оно раздается в тысячной массе на берегу. На „Ростиславе“ поднялся красный флаг, но через минуту его сменил опять Андреевский. „Свирепый“ пошел дальше. Шмидт во весь голос кричал вверх командам на суда:

„Братцы, с нами бог и весь русский народ, а с вами — разбойники!“

Командир
Крейсера I-го ранга
„Очаков“
Ноября 15 дня 1905 г.
№ 1.
г. Севастополь.

Петр Петрович Шмидт
(выдавленная печать)

Севастопольскому градоначальнику.

Сообщаю Вам, что у меня находится значительное число лиц офицерского звания арестованных. Городской патруль сегодня арестовал моих трех граждан-матросов, и пока Вы не вернете этих людей мне, я не даю пищи арестованным мною офицерам.

Командующий флотом гражданин Шмидт.

Оба письма были даны отправленному с „Очакова“ матросу. Бомбардировка началась раньше, чем посыльный добрался до городской управы и он решил подождать исхода, а после неудачи передал письмо в Севастопольский Комитет Р. С. Д. Р. П. (В. Дробот. „Севастопольское восстание“, стр. 163) *Р. Хабас.*

Его слова покрываются дружным „ура“ на восставших судах, а с вражеских кораблей летят злобные выкрики офицеров: „изменник!“ Позади остаются „Екатерина II“, „Синоп“, „Три Святителя“, „Прут“, „12 апостолов“, „Георгий Победоносец“, „Память Меркурия“. Везде звучит ответное „ура“, подхватываемое берегом, который запрудил народ, взвиваются красные флаги, ползущие через минуту вниз, уступая место андреевскому. Чувствовалось, что на судах в этот решительный момент окованное сознание моряка бьется в безумном порыве к свободе и происходит ожесточенная борьба с насильниками из-за флага, из-за свободного слова. „Свирепый“ по пути подошел к каторжной плавучей тюрьме „Прут“, стоявшей в самой глубине бухты. Там томились товарищи, восставшие в незабвенные июньские дни. Войдя на судно, Шмидт обратился к старшему офицеру Викороту с требованием немедленно освободить арестованных „потемкинцев“. Получив отказ, с угрозой, в случае „насилия“, употребить оружие, Шмидт приказал прибывшей с ним боевой роте арестовать его вместе со всеми офицерами „Прута“ и отправить на „Очаков“. Там их принял Частник, распределивший их по каютам и приставивший к ним часовых.

Тем временем „Свирепый“ с освобожденными каторжанами вернулся на „Очаков“, пройдя снова мимо всей эскадры, под звуки оркестра и долго несмолкаемого „ура“ с судов и с берега. На „Очакове“ к этому времени были уже свезены арестованные офицеры с „Пантелеймона“ и „Гриденя“. После полудня деятельность адмиральской боевой роты усилилась: захватываемые миноносцы, стоявшие по обеим сторонам южной бухты, а также другие мелкие суда и арестовываемые офицеры переводились к „Очакову“ и определялись по назначению: офицеры под арест, суда—на якоря, а команда в общее русло революционного восстания. К 4—5 часам на „Очакове“ сконцентрировалось уже достаточное количество офицеров для того, чтобы, как думал Шмидт, оградить адмиральский крейсер от неприятельского огня.

Дальнейшие события показали, что значение „Очакова“, как вооруженной боевой и боеспособной единицы, сводилось к нулю, и все усилия Шмидта были направлены к тому,

чтобы обеспечить победу восставшим судам косвенными мерами [1]).

Около полудня на рейде пышным цветом разыгралась патриотическая комедия [2]). На отдельных судах послышались молитвы за царя, портреты которого стали появляться по бортам, за судами отозвалась северная сторона, где стояла полевая артиллерия, затем Графская пристань. Эта инсценировка довольно искусно была поставлена организованными усилиями офицерства и находившихся тут же черносотенников. Особенно рельефно мы представим себе картину и природную сущность этой „постановки", проследив за ней, как она проходила на броненосце „Три Святителя", по рассказам очевидца.

Когда сознательная часть матросов организовала попытку поднять красный флаг во время путешествия „Свирепого", к сигнальной рубке подбежал, выхватив револьвер и приставив его к виску, лейтенант Озеров с криком: „Братцы, я застрелюсь, если только на мачте взовьется красный флаг". Его моментально окружили офицеры, отняли у него револьвер и огласили спардек криками и возгласами: „Мы не дадим тебе умереть. Мы все умрем за царя и отечество верой и правдой". Откуда-то появился на сцену портрет царя, с которым офицеры и вместе с ними часть „нижних чинов" пали на колени с пением „Спаси, господи!" Под это пение красный флаг был изорван в клочки и выброшен за борт. Смятение

---

[1]) На суде свидетель обвинения, офицер „Потемкина" Суходоля показал, что угрозе Шмидта „вешать офицеров" никто не придавал никакого значения, говорили, что это были только слова, в целях произвести известное впечатление на „усмирителей". Старший офицер „Очакова" Скаловский в своих показаниях говорил, что узнав, что Шмидт взялся руководить повстанцами, думал, что восстание кончится мирно. Все свидетели характеризовали Шмидта, как человека в высшей степени гуманного, совершенно неспособного к пролитию крови. Сам Шмидт в своей последней беседе с защитником Виндбергом после того, как кассационная жалоба была оставлена без последствий, говорил: „меня тревожит мысль, что могут поверить клевете, будто я приказал стрелять с крейсера „Очаков". Я не могу умереть с этим позорным клеймом. Я не убил ни одного человека, скажите это всем от моего имени. Неужели поверят этой гнусной, подлой клевете?" (В. Дробот „Севастопольское восстание 1905 г." „Пролетарская революция" № 10, 1923 г., стр. 80) *Р. Хабас.*

[2]) Воспоминания рабочего Юдина, матроса с „Трех Святителей".

умов получилось еще большее, когда кто-то вытащил из судовой церкви икону Николая Чудотворца, которого понесли рядом с портретом царя. Через минуту оба Николая оказались в разных концах корабля, причем растерявшиеся патриоты Николашке-царю пели молитву-тропарь, принадлежащую его тезке: „Правило веро образ кротости", а угоднику—„Боже, царя храни". Это было нечто невообразимое: возбужденная патриотическая кучка металась из угла в угол по броненосцу—со спардека на шканцы, оттуда на бак, опять на спардек, пока к броненосцу не пристала „депутация" из трех нижних чинов с армейским полковником во главе.

На Графской пристани стояла режиссура. Оттуда отъезжали на шлюпках „депутации" на суда с поздравлениями в верности царю, с криками „ура" и церковными песнопениями. По возвращении обратно такие же депутации, преимущественно из офицеров, снаряжались с судов и на всех парах летели к Графской пристани, где разыгралось даже нечто вроде митинга. Тюремщики хотели убедить свои жертвы в высоком назначении жертвы, царские слуги не жалели красок, расписывая „милость" и „гуманность" монарха, которому, очевидно, только и заботы, что „благо народа". Впрочем, менее чем через два часа, „народ" получил наглядное подтверждение этой милости.

После окончания этого патриотического фарса на рейде наступила тишина. Это действительно была тишина перед бурей. Обе стороны, исчерпав все попытки „мирно" создать на своей стороне перевес, сосредоточенно готовились к исторической развязке. Положение становилось таким, что все начинало зависеть от умелого маневра вождя, от правильной оценки ситуации, создавшейся в самый последний момент.

„Очаков" стоял в Корабельной бухте с правой стороны, при самом выходе в море. Около него сосредоточились восставшие контр-миноносцы—„Свирепый", „Заветный" и три номерных миноносца—265, 268 и 270. Рядом с ним, по той же стороне бухты, стоял „Пантелеймон". Затем один за другим по береговой дуге бухты выстроились „Память Меркурия", „Георгий Победоносец", „12 апостолов", „Чесьма", „Прут", „Три Святителя", „Синоп", „Екатерина II" и, наконец, „Ростислав" и „Очаков"—стояли друг против друга один под

андреевским, другой под красным знаменем; один, собиравшийся каждую минуту заговорить языком своих орудий, другой — языком революционного призыва; один и другой — два соперника в этом опасном состязании,— готовились к встрече с ясным сознанием, что победа одного означает гибель другого и ни о каком другом пути, как борьба на жизнь и на смерть, не может быть и речи. Дальнейшие события показали только, что лично Петр Петрович Шмидт не понимал этой истины [1]). Рядом с „Ростиславом" при входе в южную бухту по западной стороне ее стоял броненосный крейсер „Гридень". Дальше против конторы порта — канонерская лодка „Терец". Еще немного дальше, ближе к середине бухты — минный заградитель „Буг". По западному и восточному берегу стояло множество мелких судов без команд,

[1]) Относительно того, что происходило на „Очакове" до его уничтожения правительственными войсками, мы знаем очень мало, как и о намерениях и планах Шмидта. Обвинительный акт говорит, что будто бы Шмидт перед арестованными офицерами произнес следующую речь: „Ни одна из обещанных свобод не осуществилась Госуд. Думой — это пощечина для нас. Теперь я решил действовать, опираясь на войска, флот и крепость, которые все мне верны. Я потребую от царя немедленного созыва учредительного собрания. В случае отказа, я отрежу Крым; пошлю своих саперов построить батареи на Перекопском перешейке и отсюда, опираясь на Россию, которая меня поддержит всеобщей забастовкой, буду требовать — просить я устал — выполнения моих условий от царя. Крымский полуостров образует в это время республику, где я буду президентом и командиром Черноморского флота и портов Черного моря. Царь мне нужен потому, что без него темная масса за мной не пойдет... В матросские требования я включил экономические нужды, зная, что без этого они за мной не пойдут, но я и депутаты-матросы смеялись над вами и ими. Для меня единственная цель — политические требования. Остальное я потом добуду". Нет никаких доказательств достоверности этой речи, напротив,—ряд свидетелей утверждает, что речь Шмидта была очень сумбурна.

О том, что происходило на крейсере, имеются свидетельства очевидца-пассажира, взятого на захваченном „Очаковым" пассажирском пароходе „Пушкин" и проведшего на „Очакове" после ухода „Пушкина" несколько часов, пока Шмидт не попросил его и еще одного студента, оставшихся на „Очакове" после ухода „Пушкина", переправиться на берег,—„чтобы люди, а также и начальство не подумали, что здесь есть посторонние лица и что они агитируют матросов".

Воспоминания этого очевидца, записанные под свежим впечатлением, опубликованы „Красной Новью" („Красное знамя над Черноморской эскадрой"). Среди речей Шмидта, произнесенных на борту

без машин и только около самого выхода в море несколько миноносцев, офицеры которых были арестованы, а команда перебралась на „Очаков". Таково было расположение судов на рейде к моменту катастрофы.

Встает следующий вопрос: каково же было соотношение сил?

После сдачи „Потемкина", прибуксированного из Румынии, он был совершенно обезоружен. Ударники и замки от орудий, по распоряжению Чухнина, были сняты и отправлены в арсенал порта еще в сентябре 1905 года. Этот гигант был слабее теперь самой мизерной канонерки [1]).

„Очакова" и приведенных в этой книжке, есть тоже некоторые указания на планы Шмидта. Вот речь, произнесенная Шмидтом, после объезда эскадры.

— „Товарищи! я не ожидал такого поражения, какое нам пришлось испытать. Я не думал, что кругом нас будут такие жалкие темные рабы. Я надеялся, что все присоединятся и совместной силой победим несправедливость, но нас, братьев, приняли за врагов. К какой команде ни подъезжали, вместо привета нам посылали проклятья и называли врагами отечества. Вот с какими людьми мы имеем, оказывается, дело. Дорогие товарищи! Если на нашу участь выпало то, чтобы одним остаться на поле битвы, пусть! — мы будем бороться. Пусть умрем с глубокой верой, что боролись за свободу! Если наши старания здесь будут тщетны, отправимся в другие города: в Одессу, в Феодосию, — там будем способствовать народному восстанию, с народом вместе будем бороться. Удалимся от этого рабского мира, от этого проклятого города, где господствуют одни предатели, шпионы, опричники, где для свободных людей нет места, а есть только проклятие. О-ох! будь проклят ты, рабский город!"

[1]) Революционеры надеялись, что успеют вооружить „Потемкина". „Очевидец" в своих воспоминаниях рассказывает о такой сцене, происшедшей после того, как „Потемкин" присоединился, а на „Ростиславе" взяло верх правительственное течение: „Все опечалились, а Шмидт с надеждой говорил:

— Ничего. Пусть не присоединяются. Мы только не терять времени должны, как можно скорее нужно вооружить „Потемкина". Ну-ка, товарищи из экипажских, сейчас же отправляйтесь в экипажи, начинайте перевозить на „Потемкин" снаряды и ударники орудий.

Несколько матросов сели в катер и поспешили для исполнения приказания Шмидта.

— Почему раньше не вооружили? — спросил я близко стоящего матроса.

— Да потому, что раньше не знали, присоединятся к нам или нет, а теперь, раз перешли на нашу сторону, — и вооружили. Собственно говоря, самое главное это „Потемкин", раз он на нашей стороне, так нечего бояться. Это ведь целая неприступная крепость. Когда вооружим, захотим — в полчаса разрушим город". *Р. Хабас.*

„Очаков“ имел несколько сот винтовок, очень малое количество патронов и вовсе не имел снарядов при вполне исправных орудиях. Он, как мы уже сказали, недавно вернулся из пробного плавания, и несколько штук снарядов находившихся на нем не могли считаться реальными боевыми средствами. Как мы видели, разоружить его окончательно не дала восставшая команда.

„Свирепый“ и несколько других миноносцев, стоявших около него, представляли собой военную силу все же довольно значительную.

Вся эскадра как будто не была опасна восставшим, так как, по требованию Меллер-Закомельского, флот был разоружен за „неблагонадежностью“ команд. Разумеется, если бы суда были вооружены, то сочувствие половины команд, имевшее место к моменту восстания, легко могло бы захватить всю массу матросов, и тогда бы реакции не сдобровать. Только „Ростислав“ был вооружен, но там находился весь штаб и командный состав с восставших судов. Кроме того, там, на основании приказа Чухнина от 11-го ноября, сомнительный по благонадежности экипаж был удален на берег и подобрана команда из наиболее реакционно-настроенных элементов. Минный заградитель „Буг“, стоявший в южной бухте, имел несколько сот мин с начинкой в общей сложности до 600 пудов пироксилина. Это была очень опасная единица на любом театре военных действий, так как шальной выстрел, взорвав этот адский заряд мин, может все на расстоянии 10 верст кругом превратить в прах. Имея на буксире такую пироксилиновую штуку, можно было быть гарантированным не только от поражения, но и вообще от каких бы то ни было наступательных действий со стороны врага. Вот этот самый „Буг“ „Очаков“ и хотел взять на буксир.

Кроме канонерки „Терец“ и „Буга“, в южной бухте никаких существенных единиц не было. „Гридень“ был безопасен, потому что его офицеры сидели на „Очакове“ под замком. Стоило, стало быть, только один раз проскочить мимо „Ростислава“, и обратный путь был бы победоносным, так как по „Бугу“ никто бы не осмелился стрелять. В этом было разрешение задачи. Крепостная артиллерия, обещавшая „не стрелять“, не внушала никаких опасений, хотя с провокационным освобождением Неплюева там могли произойти

существенные перемены. Была еще надежда на то, что с берега не причинят вреда стоявшие там армейские части. Революционная флотская дивизия, всю ночь и весь день таскавшая в казармы винтовки, револьверы, патроны, части от пулеметов из арсенала порта и даже попытавшаяся на портовом катере „Пригодный“ передать ударники и замки „Потемкину“, подавала большие надежды на то, что она справится с вражеским гарнизоном. Попытка „Пригодного“ запоздала, так как он уже под выстрелами вынужден был вернуться обратно в порт.

Наступила решительная минута. Это было в 4 часа дня. От „Очакова“ отвалил паровой катер „Ника“ с целью буксировать „Буг“ к „Очакову“. Когда он, имея уже на буксире „Буг“, проходил мимо канонерки „Терец“, оттуда раздалась команда старшего офицера Михаила Ставраки: „Отдать буксир или стрелять буду“. „Ника“ продолжал плыть к „Очакову“, как вдруг с „Терца“ грянул первый в этот день артиллерийский выстрел, взорвавший котлы на катере и потопивший его. „Свирепый“, видя положение катера, бросился ему на выручку, но был встречен огнем с „Ростислава“, который первыми же выстрелами из 6-ти дюймовых орудий вывел его из строя, разрушив ему машину. „Буг“, опасаясь взрыва мин, открыл кингстоны и быстро пошел ко дну. Через несколько минут он скрылся под водой около минной мастерской.

Выстрел, произведенный с „Терца“, послужил сигналом для открытого по „Очакову“, по восставшим судам, по флотским казармам и порту бешеной канонады и убийственного огня. Стреляла крепостная артиллерия из константиновских батарей, за ней отозвалась полевая с северной стороны, стреляли пулеметы с Исторического бульвара, с места около дома городского головы, стреляли армейские части, стоявшие на Графской пристани.

В то время, как пулеметы осыпали огненным градом порт и казармы флотской дивизии, артиллерия с трех концов из 11-ти орудий—крепостная, полевая 13 бригады и с „Ростислава“ сосредоточила огонь на „Очакове“. В течение нескольких минут он стоял под выстрелами с высоко поднятым красным знаменем, но вскоре должен был поднять белый флаг, едва дав несколько выстрелов. Вслед за ним

были подняты белые флаги и на „Потемкине", а также на восставших миноносцах.

Когда началась канонада, на „Очакове" был поднят сигнал: „имею много пленных офицеров". Расчеты Шмидта, что, дорожа арестованными на крейсере офицерами, противник прекратит огонь, не оправдались.

На расстреливаемом со всех сторон „Очакове" к моменту развязки скопилось много матросов из разных экипажей и команд. Все лучшие, сознательные моряки, находившиеся на рейде 15-го ноября, перебрались на „Очаков". Если принять во внимание, что нормальная численность команды на крейсере равнялась 400 человек, то можно с уверенностью сказать, что в последние часы там было не менее 900 человек.

И эта масса, как только был поднят белый флаг и на крейсере вспыхнул пожар, бросилась спасаться: кто на шлюпках, кто вплавь, кто на баржи, вельботы, шестерки, сновавшие тут же. Подплывавших к северной стороне, к Графской пристани, к судам — расстреливали в воде, а раненых докалывали штыками армейские солдаты. Лишь на Приморском бульваре, где не было частей и стояла сочувствующая толпа, спасавшиеся матросы смешивались с ней и переодевались в штатское платье.

К вечеру в городе поднялась паника. Брестский полк начал позорный обстрел флотских казарм [1]).

---

[1]) Показания Думбадзе, т. 1, л. 30—31.

. По воспоминаниям Генкина, матросские казармы бомбардировались с 4 часов, 15 ноября, до самого утра 16-го. Бомбардировка велась с Малахова кургана, с Исторического бульвара и из полевых батарей. Стрельба явилась такой неожиданностью для осажденных, что началась паника. Никто не думал обороняться. Опомниться и приготовиться к сопротивлению заставил всех дежурный по дивизии матрос Крошка. Выгнав всех на двор и выстроив, он заявил, что пристрелит всякого, кто струсит. Но не было оружия. Надеясь на мирную победу, матросы не запаслись ничем для самозащиты. Были десятки ящиков с револьверами, но не было пуль к ним. Были винтовочные патроны, но не было винтовок. Хотели отстреливаться из пулеметов, но сперва не могли найти пулеметчиков, а потом оказалось, что почти нет пулеметных лент. Чтобы спастись от бомбардировки пришлось спуститься сперва во двор, потом в погреб. Члены Совета сидели в маленькой комнате одного из экипажей, защищенного другими зданиями от бомбардировки. Большинство депутатов имело возможность скрыться,

Вернувшись из лагеря 13-го утром и заняв, как мы уже говорили, „оборонительное положение“ в казармах, брестцы по приказу Думбадзе начали подвергать обстрелу все, что двигалось из города во флотские казармы: людей, подводы с припасами—съестными и боевыми. Из флотских экипажей начали ответную стрельбу по Брестскому полку, чтобы под этим прикрытием дать возможность свободного подвоза и экипажей различного рода снаряжения. Это продолжалось до тех пор, пока по экипажам дивизии не начали палить пулеметы с Исторического бульвара и от дома Максимова. С этого момента Думбадзе начал разведывательные действия и к часу ночи, когда на рейде догорала последняя искра борьбы, он повел Брестский полк в штурм. Первый двор был взят шестью ротами, причем во двор врывались две роты под прикрытием убийственного огня остальных четырех. Самым упорным был второй двор, где сосредоточились пулеметы и самая активная часть матросов, сапер и рабочих. Для того, чтобы овладеть ими, Думбадзе обложил корпус казарм всеми имевшимися в его распоряжении силами и открыл беспрерывный пачечный огонь по окнам, дверям и щелям до тех пор, пока оставшиеся без патронов осажденные повстанцы вынуждены были сдаться. Это было лишь в 6 часов утра 16-го ноября, после целой ночи ожесточенного боя. „Арестовано 1611 человек, захвачено 12 пулеметов, масса револьверов, винтовок и пр. Освобождено 19 человек арестованных

но не сделали этого, опасаясь, что это произведет дурное впечатление на рядовых участников восстания. В пять часов начался штурм. В книге „Красное знамя над черноморской эскадрой“ приводится рассказ солдата Брестского полка о штурме. До трех часов ночи стреляли из орудий с Исторического бульвара. В три часа полковой командир сказал: „Так как вы присоединились к матросам, то вы первые пойдете брать штурмом их казармы. Пусть первые пули, выпущенные матросами, пронзят вашу грудь“. Мы отправились. Казарменные ворота взломаны ломами. Первая вошла наша рота. Нашим ротным командиром был грузин (Думбадзе) — о, какой он подлец. При входе обратился к нам: „Ну, хлопцы, обстреливайте казармы. Стреляйте, рубите, убивайте. Кого встретите, никого не жалейте“. Мы прежде обстреляли, а потом ворвались в казармы. Из подвала закричали нам: „Не стреляйте, братцы, сдаемся“. Мы стали у двери; матросы выходили по одному. Потом мы их окружили всех и повели в тюрьму.

В числе арестованных во флотских казармах были матросы, саперы и др., в том числе Н. Л. Канторович, И. Генкин, А. Мазин. (И. Генкин „По тюрьмам и этапам“, стр. 18—21). *Р. Хабас.*

мятежниками офицеров и гражданских лиц", — доносил Думбадзе 16 ноября. Между арестованными были исключительно матросы, саперы, несколько человек из Брестского полка, портовые рабочие и жители Корабельной стороны. Потери со стороны восставших: убитых—3, раненых—4; со стороны Брестскаго полка: убитых—2, раненых—1.

Шмидт с находившимся при нем сыном на миноносце № 270 направился с „Очакова" к берегу. С „Ростислава" раздался залп и миноносец стал погружаться носовой частью в воду. Возле него появилась шестерка и вельбот, подбиравшие плавающих людей. На этих „спасательных" лодках находились уже некоторые из спасенных с „Очакова" арестованных офицеров, которые немедленно были пущены в дело по отысканию видных „мятежников", успевших стать им знакомыми в лицо за время их отсидки на крейсере. Шмидт был узнан, несмотря на то, что он пытался переодеться в матросское платье, и „спасен", т. е. связан и отправлен на броненосец „Три Святителя". Там его бросили на пол в кают-компанию, куда приходили офицеры, пинали его сапогами под бок, злобно приговаривая: „у-у-у-у, достукался до свободы, собака". Шмидт умолял его не трогать, дать ему воды, но ему ничего не дали, через 10 минут бросили в шлюпку и увезли на „Ростислав".

„Очаков" горел. То и дело на нем вспыхивало пламя, слышались раздирающие крики о помощи, но беспощадные палачи нарочито старались дать ему сгореть со всем находившимся там и живым и мертвым [1]).

Один матрос с „Трех Святителей" [2]) рассказывал, что ночью 15-го были наряжены катеры со всех судов для тушения горящего „Очакова". Когда тушители приблизились к раскаленному крейсеру, из нижних иллюминаторов послышались отчаянные вопли: „Братцы, спасите!". В ответ на

---

[1]) Тот же товарищ Юдин.

[2]) Впоследствии ходили упорные слухи, что поспешность с расстрелом „Очакова"—имела основательную причину. Нужно было лишить следствие материала относительно того, как был построен крейсер, так как еще раньше ноябрьских событий было организовано негласное правительственное следствие по поводу слухов о том, что в корпусе „Очаков" больше цемента, чем железа и стали. („Севастопольское восстание 1905 г". В. Дробот. „Пролет. Рев." № 10, стр. 74) *Р. Хабас.*

это раздалась команда: „Назад, по своим частям". Умолявшие о помощи были обречены на верную гибель [1]). На утро 16-го были свезены на берег и брошены вместе с остальными в ожидании расправы оставшиеся в живых матросы „Очакова", а 17-го уже работала следственная комиссия во главе с знакомым нам ген. Колосовым. Она ревностно принялась за работу вылавливания всех, кто имел хотя бы отдаленное отношение к восстанию и его участникам.

Днем на рейде в последующие дни происходили систематические выемки, аресты попавших „на заметку" матросов, а ночью видны были работы по извлечению трупов, целых гор изорванного и обугленного человеческого мяса, погребенных под обломками разрушенного крейсера.

Расправа шла во всю и в городе, особенно на Корабельной стороне, которая была объявлена мятежной. Это означало, что Думбадзе, впоследствии „высочайше" произведенный в генерал-майоры, назначенный начальником участка Корабельной стороны и имевший свою агентуру, имел возможность любого подозрительного рабочего бросить в тюрьму, а если у кого-либо найдены были оружие или другие признаки участия в мятеже,—и расстреливать на месте.

Так трагически кончилось восстание в Черноморском флоте и в рабочем Севастополе осенью 1905 года в те дни, когда вся Россия, потрясенная забастовочной бурей, была объята огненным кольцом восстания от Кронштадта до Севастополя и от Севастополя до Москвы.

---

[1]) Минный машинист „Очакова" Вдовиченко, участвовавший в осмотре сгоревшего крейсера, дал нам описание страшной картины, которую они там нашли. (См. прил. № 5).

X. Суд в Очакове[1]) и казнь на острове Березань[2]).

Пока над многотомным „делом“ о восстании трудились две следственных комиссии с целой армией судебных писак, там, в „высших сферах“ еще дрожавшей от страха придворной камарильи, чувствовалось сильное беспокойство относительно слишком уж медленного хода дела о бунте севастопольской „черни“.

Особенно лишало их сна дело о Шмидте и их сподвижниках. Чухнин стал получать полные нетерпения телеграммы морского министра Бирилева, который просил удовлетворить возможно скорее беспокойного государя, всякий раз на докладах задающего ему вопрос: „Когда же, наконец, будет покончено с этим изменником?“

В результате этой вполне понятной поспешности, дело о лейтенанте Шмидте и матросах - участниках восстания 11 - 15 ноября было выделено и передано специальному суду, назначенному Чухниным в составе: председателя военно-морского суда Александрова, членов суда Мореншильда, Константинова и Васильева. Первый командовал „Синопом“, второй—„Ростиславом“ и третий—„Памятью Меркурия“ во время расстрела крейсера „Очакова“ на рейде. Чухнин и тут позаботился о том, чтобы судьями были люди наиболее „беспристрастные“, и подобрал как раз тех, кто были боевыми врагами Шмидта на восставшем рейде. Не только „беспристрастия“, а обыкновенной политической честности ждать от них нельзя было, так как они больше чем кто бы то ни было из врагов революции могли и сумели воспользоваться предоставленными им правами царских судей.

---

[1]) „Русские Ведомости“ №№ 66, 65, 63, X, 59, 50, 48, 47, 45 и 44.

[2]) Копия приговора Верховного суда РСФСР в марте 1923 г. по делу Михаила Ставраки, который был расстрелян в Севастополе.

Заседание открылось в 9 час. утра, 7-го февраля, в городе Очакове в помещении офицерского собрания и дело слушалось при плотно закрытых дверях. Улицы, окружающие здание суда, были полны войск; разъезжали казаки, полиция и жандармерия.

Свидетелей с обеих сторон было вызвано 126, из которых не явилось лишь 11. При этом характерно то, что обвинение вызвало 99 свидетелей, а защита 27, и неявившиеся 11 свидетелей относятся к вызванным защитой, которая потом сама отказалась от допроса 15 вызванных ею свидетелей. Таким образом, свидетельские показания, прошедшие перед судом, дали 90 процентов материала для обвинения, а защите фактически на суде нечем было располагать. Это имело потом огромное влияние на весь ход дела и эта же скудость свидетельского материала, способного дать близкое к истине освещение происходившего, была отмечена и Шмидтом в его последнем слове.

Обвинял прокурор военно-морского суда севастопольского порта, полковник Ронжин, а защита представлена была приехавшими из Петербурга известными адвокатами Врублевским, Зарудным, Балавинским и Александровым. Обвиняемым было предъявлено обвинение по ст. 100 уголовного уложения, а некоторым матросам—по ст. 109. Эти статьи обвиняли в „стремленни к насильственному ниспровержению существующего государственного строя", причем первая требовала смертной казни. С самого начала суда предчувствие сурового приговора уже овладело всеми обвиняемыми. Меньше, чем о каторге, никто и думать не смел, так как вся обстановка суда.—вдали от Севастополя со специальным составом судей, с явной поспешностью в процессе самого дела,—не предвещала ничего хорошего. Процесс начался 7-го, а 18-го уже был вынесен приговор. Даже в Очакове царские палачи не были гарантированы от „всевозможных возможностей", которыми столь чреват был Севастополь.

Главное внимание судей было, разумеется, обращено на Шмидта. Они были уверены в том, что он является причиной восстания, руководителем его, и,—что всего абсурднее—они пытались взвалить на него вину за последствия восстания, как раз за то, против чего он всегда так горячо восставал. Со свойственной ей полицейской

ограниченностью, с давно знакомым нам стремлением дискредитировать революционное движение, чтобы поднять свой подмоченный престиж, царская власть в лице очаковского суда вела обвинение по двум направлениям: первое — что Шмидт виновен в севастопольском кровопролитии и второе — что Шмидт противопоставил себя, как „командующий черноморским флотом", личности царя, получившего дерзновенную телеграмму.

Как мы знаем, именно в этом Шмидт был меньше всего повинен. Его речи на суде, а также письмо моряков торгового флота в редакцию „Руси", опубликованное во всей тогдашней радикальной прессе, блестяще опровергли всякую мысль о том, что Шмидт подлинно вел какую-либо борьбу с самодержавием. „Шмидт и его окружающие нам дороги, как моряки-коммерсанты, а он—как человек, поднявший крест, бесстрашно ставший за нашего монарха и за его народ. Он—невинная жертва всеобщего политического психоза, и мы, любящие в нем правду, всеми помыслами нашими восстаем против приговора, произнесенного над ним. За что же его казнить?.. За любовь к царю и народу?"..

Следуют 64 отдельные подписи, а также союза моряков русского торгового флота, общества каспийских судоводителей, редакции журнала „Река и море" и редакции журнала „Маяк".

Немного бы раньше, и это письмо было бы существенным свидетельством тому, что если Шмидт в чем либо и виноват, то только в том, что он оказался „жертвой общественного психоза", благодаря своей политической невыдержанности. А это, само собой устраняет всякую мысль о том, что он, Шмидт, является причиной восстания.

Частник, Гладков и Антоненко—самые активные из массовиков-вождей—почему то были сочтены за второстепенных лиц в деле. Впрочем, прокурор в своей речи обрушился на Частника, как на „убежденного мятежника" и прямо требовал смертной казни для него. Тем не менее и деятельность Гладкова и Антоненко была классифицирована судом, как заслуживающая казни; тем не менее и остальных матросов, обвиняемых по делу, готовили на убой, если не на скорый, то на медленный, а оправдали тех, кто по ошибке севастопольских чиновников был внесен в списки.

Первые дни судебное следствие вертелось вокруг да около вопроса о том, кто первый начал стрельбу: „Очаков“ или царская власть. Как и подобает почтенному „правосудию“ полицейского беззакония, оно хотело создать из дела такой „пахучий“ букет искусственных улик, что забывало даже позаботиться о том, чтобы придать своим открытым инсинуациям хоть какую-нибудь видимость истины. Положение, которое выдвинул суд, заключалось в том, что первый выстрел был дан с „Очакова“ и, дескать, из-за него началась канонада и стряслась катастрофа.

Офицеры-артиллеристы, которые принимали активное участие в подавлении восстания, вызванные свидетелями показывали, что „Очаков“ первым не стрелял, а что уже под огнем с судов, полевой артиллерии и Константиновских батарей он попытался отвечать и, едва дав несколько выстрелов, умолк.

Потерпев фиаско на этом пункте, обвинение начало усиленно нажимать на роли Шмидта и матросов. Гипотеза суда о том, что Шмидт был поборником идеи вооруженного восстания натыкается на показания свидетеля, доктора Л. А. Флерова, который приводит слова Шмидта, сказанные им 13-го ноября в канцелярии градоначальства в присутствии и. д. градоначальника Рогули, правителя канцелярии Вуколова и его, Флерова: „Я хотя и революционер в истинном значении этого слова (т. е., как всякий искренно любящий свою родину гражданин, желающий России скорейшего перехода от сгнившего и дряхлого строя бюрократического к лучшему, социалистическому), но революционер, наиболее мирно настроенный. Я, как социалист, — вне всяких партий,— против опасных действий социал-демократической партии, которые по своим последствиям могут привести матросов к расстрелу их другими частями войск. Я — противник всякого насилия, вооруженных восстаний, кровопролитий при политической перемене государственного строя в России, я даже против всяких демонстраций и манифестаций, часто заканчивающихся теперь братоубийственными избиениями и никому ненужными кровопролитиями“.

И тут становилась очевидной абсурдность обвинения Шмидта в приверженности идее вооруженного восстания. В своем последнем слове он выяснил и последний пункт

обвинения. Он говорил, что, как „истинный гражданин", он понимал русского царя так, что не преступление было выламывать дверь к нему с криком: „Государь, дворец в огне", и ни о каком противопоставлении себя монарху не может быть и речи. Больше того: прокурору, осмелившемуся обвинить его в „ниспровержении монархии", он ответил, что сам обвиняет его в оскорблении величества.

Но все время, в каждом слове, он пользовался всяким моментом, чтобы всю вину взвалить на себя и выгородить матросов. Он прилагал всю силу своего недюжинного красноречия и всю боль, накопившуюся в его душе в течение последних дней, чтобы убедить суд в их невиновности.

Он доказывал, что никто из них не имел своей воли, что все они, бывшие перед ним „однородной толпой", жили его волею, не знали его планов, потому что и у него не было плана, что все они были ему одинаково близки и „близость к Шмидту" не может им быть приписана, как преступление.

Отнюдь не боясь их решения, каково-бы оно ни было, заявляя, что он сам понесет все последствия совершившегося, он, тем не менее, не признал себя виновным в том, что ему суд упорно навязывал — умышленную подготовку военного восстания и борьбу с монархией.

Его состояние кошмарного нервного напряжения усугубляли сердечные припадки, схватившие его два раза за время суда после его речей, в которые он вкладывал все свои силы. Между прочим, защитникам, озабоченным его нервной болезненностью, стало в его речах казаться нечто подозрительное относительно его сознания. Отчасти поэтому, а скорее всего — из желания оттянуть по возможности дело и... может быть, добиться шансов на успех, они стали настаивать на созыве врачебной консультации с целью определения его психического состояния. Результат получился отрицательный: Шмидт психически болен не был. Его слабость объяснялась упадком сил и пережитыми потрясениями.

13-го февраля уже закончился допрос свидетелей и начался осмотр „вещественных доказательств" — прокламаций, печатной литературы и т. д. То, что Шмидт ко всей этой подпольной литературе имел самое отдаленное, или точнее, никакого отношения не имел, не помешало судьям приписать ему вину и в этом. Прения сторон начались 14-го февраля.

Прокурор Ронжин начал свою речь с заявления, что ни минуты не сомневается в искренности конституционных, демократических убеждений Шмидта. Ронжин допускал, что Шмидт был увлечен событиями дальше своих собственных убеждений, но дело его все-таки подвел под ст. 100, требующую смертной казни.

Защитники распределили между собой работу так: Врублевский, Зарудный и Александров взяли на себя центральные речи, а Балавинский, Винберг и капитан Дэвиссон — защиту отдельных подсудимых и критику улик.

Первым говорил Врублевский. Он доказал, что Шмидт был социалистом, но никак не политическим революционером, что он был убежденным защитником царя и народа; борясь за свободу, он был неповинен в пролитой крови.

Зарудный взялся за толкование ст. 100 и вопрос о „ниспровержении существующего строя" поставил так, что разрушил обвинительный акт и доказал незаконность применения этой статьи к Шмидту и матросам.

Он выяснил ту „истину", что после 17-го октября в России существует конституционный строй, и в действиях Шмидта и его сподвижников нет и тени стремления к свержению существующего после 17-го октября в России строя.

Последним говорил Александров. Его речь была весьма страстной и захватила всех присутствующих. Он призывал не прибавлять к пролитым уже океанам народной крови еще несколько драгоценных капель. Под сильным впечатлением его речи многие плакали, тронуты были даже судьи.

Ронжин стал оправдываться, говоря, что он, так сказать, вовсе не желает подсудимым смертной казни и, как скромный прокурор, лишь сослался на „закон".

Вместо ответа ему Врублевский просил суд отправить приговор на благоусмотрение царя. Заканчивая свою краткую речь, он просил передать государю, что люди, которых судят как изменников престола, в своем последнем слове восклицают: „Царь, грядущие на смерть приветствуют тебя".

На этом прения закончились.

18-го февраля был объявлен приговор. Чтение его происходило при открытых дверях. В зал были допущены лишь военные и по билетам два корреспондента газет. Все

прилегающие улицы переполнены были стражей. Подсудимые были приведены в помещение суда под усиленным конвоем.

Шмидт был приговорен к смертной казни через повешение; Частник, Гладков [1]), Антоненко — через расстреляние; два матроса — к бессрочной каторге, четыре—к двадцатилетней, два—к десятилетней; десять—на срок от 15 до 4 лет; десять в исправительные отделения на сроки „не свыше" 4 лет; десять — оправданы [2]).

Защита просила внести в протокол следующие замечания: 1) слова прокурора, признавшего, что рассудок Шмидта ослабел во время севастопольских событий, 2) заявление прокурора во время прений, что он не требует смертной казни, 3) что мать подсудимого Туркевича, присутствовавшая на судебном заседании, не была допущена во время чтения приговора, 4) что по удалении судей из помещения суда были удалены все, даже защита, между тем прокурор там жил и мог сообщаться с судьями.

Ронжин возражал, особенно об общении с судьями. Прочитав оправданным напутственное слово, председатель их немедленно освободил. Приговор был послан вице-адмиралу Чухнину.

---

[1]) Александр Гладков, с.-д., бывший рабочий был постоянным депутатом рабочих. Он работал в машинном отделении, которое первое начало волноваться. Уже 8-го ноября матросы этого отделения отказывались повиноваться командиру, когда он требовал, чтобы кочегарная и машинная команды разошлись по своим помещениям, а не устраивали бы собраний. 9-го ноября Гладков от имени команды подал военно-морскому прокурору жалобу на грубость командира и на плохую пищу. Все время восстания он работал депутатом и проявил себя, как в деле организации команды, так и в подготовке крейсера к бою. *Р. Хабас.*

[2]) Были приговорены Ялинч и Уланский к каторжным работам без срока, Соловьев, Осадчий, Куприков и Карнаухов — к 20 годам каторги, Абрамов и Докукин — к 15, Баранов — к 12 годам, Пятин, Мойшеев и Симаков — на 10 лет, Сабельфельд, Жигулин и Родионов—на 7 и Туркевич и Фоминов на 4 года. В исправительные арестантские отделения на срок от двух до четырех лет были приговорены: Ковис, Курочкин, Кудимов, Чорба, Плетнев, Сидоровы, Преображенский и Коляда. Ковалев, Блинов, Бонач, Опарин, Рыбин, Алексеенко, Сазонов, Кобликов, Чабаненко, Федоров и Юрченко были оправданы и освобождены. („Севастопольское восстание 1905 г." В. Дробот. „Пролетарская революция" № 10 1923 г., стр. 82). *Р. Хабас.*

Просьба на „высочайшее“ имя о помиловании Шмидта, которую послала сестра его, А. Избаш, была отклонена. Впрочем, Шмидту было дано своего рода помилование: его разрешили не повесить, а расстрелять.

И тут царская власть хотела унизить, уничтожить Шмидта; матросов приговорили к расстрелу по обычаю военных судов, его же хотели повесить, как уголовного, как закоренелого преступника, и вынесли ему такой позорный приговор.

В тот же день Шмидт и остальные осужденные были отправлены на „Прут“, стоявший около Тендры.

4-го марта Чухниным был конфирмован приговор, и в тот же день канонерка „Терец“, имея на борту председателя военно-морского суда Александрова, прокурора Ронжина, командира лодки кап. I ранга Радецкого, ст. офицера Михаила Ставраки и вооруженную команду матросов, вышла в море и взяла курс на „Очаков“.

За несколько дней до этого Чухнин вызвал к себе Ставраки и интересовался настроением команды „Терца“, особенно расспрашивая о благонадежности ее. Чухнин не забыл заслуг „Терца“, как сторожевого цепного пса, выполнившего работу по подготовке завязки на рейде 15-го ноября. Выстрел с „Терца“ предупредил буксир „Буга“, и в этом деле отличился не кто иной, как Михаил Ставраки.

Из беседы с ним, Чухнин понял, что эта команда вполне подходит для исполнения казни и „Терец“ теперь ехал к „Очакову“ для выполнения возложенной на команду задачи.

На „Пруте“, куда прибыли палачи, в присутствии тюремного морского врача Федотова, было обследовано положение осужденных. Несмотря на то, что Шмидт был в тяжелом состоянии, подавленный всем перенесенным, причем здоровье его сильно пошатнулось, Федотов, на заключение которого был поставлен вопрос о возможности приведения в исполнение приговора в таком положении Шмидта, поспешил заявить, что казнь может быть совершена немедленно.

На другой день, 5-го марта, кровавая процессия направилась к острову Березань, в 20-ти верстах от Очакова. Там были уже приготовлены четыре столба и вырыты могилы. Кроме команды с „Терца“ туда прибыла также сводная команда из наиболее благонадежных частей Очаковского

гарнизона. Во главе первой стал Ставраки, а второй—Радецкий.

Утром 6-го марта, около 9-ти часов утра, было приступлено к производству казни.

Группа подсудимых и машинист Гладков (X).

Матросская команда с „Терца" была разбита на четыре взвода, по числу казнимых, и поставлена впереди, а ей в затылок стала Очаковская гарнизонная команда.

Это было сделано потому, что на матросов не надеялись, чтобы в нужный момент иметь надежный резерв. Командовал расстрелом Михаил Ставраки.

Он был школьным товарищем Шмидта и слова последнего перед самой казнью: „Миша, прикажи своим стрелкам целиться прямо в сердце",—относились именно к нему.

Рассказывают, что когда постоянный спутник царских убийств—поп—подошел к казнимым и предложил им причаститься, матросы наотрез отказались. Шмидт же, опираясь на плечо попа, говорил ему, идя к лобному месту: „Я с удовольствием приму святое причастие, но при условии, что вы, батюшка, найдете в Евангелии такое место, где говорится, что можно убивать людей".

Поп умолк: он не помнил такого места. Шмидт начал прощаться с матросами. Тут же не вдалеке стояли только что сколоченные четыре гроба, которые не позаботились даже убрать с глаз. Первым залпом были поражены Шмидт, скончавшийся через 2—3 минуты, и Частник. Гладков и Антоненко бились еще в предсмертных конвульсиях. Они были добиты вторым залпом. После обхода казненных и установления смерти, гробы с трупами положили в вырытую тут же общую могилу. На месте казни была оставлена стража.

Свершилось. Гнусная расправа с лучшими порывами к свободе,— пусть неумелыми, пусть слепыми, но красивыми— человека, который сам меньше всего был самостоятелен в своей революционной деятельности, а был лишь певцом идеалов своей эпохи и идеалов, уже уходящих в прошлое.—Свершилось. Лейтенанта Шмидта не стало.

Группа подсудимых и комендор Антоненко (X).

XI. Суд над участниками восстания на берегу.

Суд над участниками восстания на берегу начался 4 июня 1906 года. Судилось 180 матросов, 127 нижних чинов саперной роты, 25 солдат Брестского полка, 2 нижних чина запасного батальона, 5 солдат артиллеристов и 11 человек гражданских лиц. Судебное дело носило оффициальное название: „Дело о восстании морских и сухопутных команд в Севастополе и участвовавших в том гражданских лиц".

Судебное дело было разделено на две части. Подсудимые первой группы в количестве 95 человек судились в июне. С первого же дня суда подсудимые отказались от присутствия на суде и слушания дела. Еще до чтения обвинительного акта подсудимые матросы попросили слова для внеочередного заявления. Первым говорил матрос Кирюхин: „Я не вижу здесь главных виновников—офицеров, главных подсудимых. Я отказываюсь от участия в суде. Я сознаю, что правосудие—здесь голос в пустыне. Прошу меня удалить... В каторжные работы отдайте меня, на виселицу или на плаху, но прошу меня освободить от суда".

Подсудимый Кассимов: „Я присоединяюсь к просьбе т. Кирюхина. Здесь из восьмисот свидетелей вызвали только сто. Ясно, что хотят допустить меньше свидетелей,—не в наших интересах. Во время процесса была масса пристрастий на почве самооправдания. Здесь то же. Как истинный гражданин после постановления Государственной Думы об отмене смертной казни, я не могу судиться по военным законам. Защитники, как и мы, сидят за решеткой. Здесь мы не видим главных зачинщиков. Зачинщики не мы, а офицеры. Они же пользуются общим доверием... Желаю, чтобы меня удалили".

Мартынцев: „Не желаю судиться, прошу меня удалить".

Худымовский: „Присоединяюсь к мнению товарищей,—прошу удалить меня из суда".

Шкуринев: „Предварительное следствие велось неправильно. Прошу ваше превосходительство меня удалить".

Лукьянов: „Прошу ваше превосходительство о том же".

После сделанных заявлений все подсудимые, за исключением Кондратенко, Бойко, Белкина, Петрищева, Носилова, Соболева, Демина, Гривцова и Ригорина,—заставили увести себя из залы суда в тюрьму.

После ухода подсудимых коллегия защитников, кроме двух назначенных, тоже отказалась от участия в суде, выступив со следующим заявлением:

„Принимая во внимание:

1) что подсудимые, интересы которых мы представляем, от участия в судебном процессе отказались,

2) что защита мыслима только при условии участия подсудимых,

3) что с устранением себя от процесса подсудимые тем самым лишили нас полномочия на представительство их судебных интересов,—

мы, к сожалению, считаем себя вынужденными сложить с себя обязанности защиты в настоящем суде всех подсудимых, защитниками которых по соглашению мы состоим".

6 июня подсудимые снова явились в суд, где Кирюхин снова сделал от имени всех заявление: „Мы пришли сюда, чтобы сделать одно заявление, а не судиться. Мы просили, чтобы к нам были допущены защитники для составления кассационной жалобы. Мы не знаем, когда кончится это дело—через месяц, или через неделю, а поэтому мы ходатайствуем, чтобы защитники были допущены к нам теперь".

Суд отказал, и подсудимые снова были удалены из судебного зала.

Суд над этой первой группой продолжался 11 дней. 15 июля был объявлен приговор. Были приговорены к расстрелу Зимин, Кассимов, Кудымовский и Рыбалка, к бессрочной каторге Лукьянов, к каторге на различные сроки 32 человека, к арестантским ротам на срок от 1 года до 5 лет—32 подсудимых. Одного приговорили к заключению в военную плавучую тюрьму на 4 месяца и одного в гражданскую тюрьму на 2 года 3 месяца. 8 человек было оправдано [1]).

---

[1]) В. Дробот. „Севастопольское восстание 1905 г.". *Р. Хабас.*

Смертную казнь приговоренным заменили вечной каторгой.

В конце июня должно было начаться судебное дело второй группы подсудимых, но было задержано похищением судебных материалов, организованным партией для того, чтобы задержать суд, до которого хотели устроить побег главных подсудимых. Массовый побег матросов из превращенной в тюрьму флотской казармы удался, но все попытки устроить побег Вороницыну, которого обвинительный акт называл главным руководителем мятежа на берегу, и Канторовичу, члену „мятежного комитета" по квалификации же обвинительного акта, оказались неудачными. Суд над второй группой происходил в ноябре. Большие споры среди подсудимых вызывал вопрос об участии в суде. С.-д. стояли за то, чтобы, по примеру петербургского совета рабочих депутатов, бойкотировать суд, поясняя и мотивируя этот отказ декларацией. К решению с.-д. присоединились некоторые не-партийные участники восстания. Меньшинству была предоставлена свобода действий. Декларацию написал И. П. Вороницын, и за подписью его, Канторовича и Генкина—она появилась во всех революционных газетах. Суд происходил при закрытых дверях. Судьи ждали выступления подсудимых. Когда И. П. Вороницын попросил слова, они взволновались.

— Какого рода заявление? Для чего заявление? Сейчас никаких заявлений делать нельзя. В свое время вы получите слово.

Вороницын настаивал.

Наконец, слово было дано.

— Наш суд происходит в обстановке осадного режима, среди ужаса смертных казней, при полном бесправии народа,—начал Вороницын, но тут же был прерван председателем.

— Я не позволяю вам говорить об этом. Вам разрешается только говорить по существу предъявленных вам обвинений.

Едва удалось произнести несколько слов, как председатель начал звонить и лишил слова. Вороницын пробовал не послушаться, но конвой окружил его и вывел среди общего шума и протеста.

Один за другим заявляли подсудимые о своей солидарности, и их выводили. Защитники тоже присоединились к заключенным и покинули зал. Заседание было закрыто.

13 ноября 1906 г., при отсутствии подавляющего большинства подсудимых, бойкотировавших суд, был прочитан приговор.

Смертная казнь через повешение: Канторович и квартирмейстер 33 флотского экипажа—Захарий Циома.

Смертная казнь через расстреляние: унтер-офицер Максим Барышев.

Каторжные работы без срока: студент Вороницын (в виду несовершеннолетия), машинист Николай Симоненко и рядовой Якуб Киршенштейн.

Двадцать лет каторги: Филипп Калашников, Гавриил Сияницкий, Иван Штрикунов и Григорий Булатно.

18 лет каторги: Иван Восьменчук.

15 лет каторги: Семен Жуков, Е. Журавлев, К. Кириллов, Я. Молотов, М. Пруцкий, Семен Клименко и Антон Мазин.

12 лет каторги: Г. Винокуров, М. Лучка, М. Личкин и М. Макеев.

10 лет каторги: К. Добровольский, И. Киселев, Ф. Баканов, Б. Берг, А. Вовченко, И. Генкин и К. Руванцев.

9 лет каторги: К. Кенин.

8 лет каторги: П. Витренко, В. Зосименко и И. Кабанев.

6 лет каторги: А. Тихонов, М. Горонжа, Н. Назаров, Ф. Гранас и К. Михайловский.

5 лет каторги: Н. Монахов, И. Сарринер, П. Криленко, И. Собин, Я. Бодке и А. Павловский.

4 года 6 месяцев каторги: В. Козлов и С. Колоколов.

4 года каторги: А. Арефьев, И. Алексеенко, А. Бичков, Ф. Гусев, П. Жигалов, А. Зайцев, Ф. Семака и С. Соломенко.

Тридцать восемь подсудимых, за недоказанностью обвинения, оправданы. Остальные приговорены в исправительные арестантские отделения и к ссылке на поселение на разные сроки.

Из второй группы приговоренным к смерти казнь была заменена каторгой.

(„Пролетарская революция“ № 10/22. Историч. журнал Истпарта). В. Дробот. „Севастопольское восстание“.

Приложения.

Приложение № 1.

Речь П. П. Шмидта на суде.

В настоящем процессе есть одна особенность, которая резко его отличает от всех предшествовавших ему.

Мы привыкли видеть на скамье политических подсудимых или представителей крайних партий, стремящихся, как бы наперекор установившимся в народе взглядам, нарушить существующий уклад государственной жизни и установить иное, новое государственное устройство, или мы видели просто пылких людей, которые посягали на жизнь кого-либо из особенно жестких представителей полицейской власти. Только то, что представляется в народном сознании преступным, может караться законом, т. к. сам закон вытекает из народной морали, и только она одна является единственной причиной его появления.

Представители крайних республиканских партий, являясь в стране резко прогрессивным элементом, как бы расходятся в своих целях со стремлениями многомиллионного населения, которое не занимает их, и только в этом отступлении их от массовой народной мудрости можно найти, если не оправдание, то хотя объяснение их подсудности. Я, как подсудимый, не принадлежу ни к одной из этих категорий. Я не посягал ни на чью жизнь, не принадлежу к республиканским партиям, и все мое мировоззрение согласуется с мировоззрением всего русского стомиллионного населения. Именно в этой-то согласованности моих идеалов и стремлений с идеалами и стремлениями всего народа русского и заключается вся особенность настоящего процесса. Как социалист, я ставлю требованием расширение нашего общинного землевладения до полной социализации земли, и требование это совершенно совпадает с требованиями многомиллионного русского крестьянства. Конечно, этим не ограничиваются мои экономические требования, как социалиста, но мы не можем говорить о делах следующих поколений. В настоящем же мои экономические стремления совершенно совпадают с народным идеалом. В политических же убеждениях я также солидарен совершенно со всем народом русским.

Пройдут года, забудутся наши имена, но ту боевую силу, которая присоединилась к „Очакову“ и тем осталась верной

народу и присяге, имена этих 10 судов флота не забудут, и они всегда останутся в летописях народа. Но точная буква законов, самые статьи свода против меня, они противоречат высказанному мною. Да, они не могут не противоречить, когда утвержденные законами представители власти стали в открыто враждебное отношение к народу и в скрыто враждебное отношение к трону. В такое время государственного хаоса, когда все в стране так спуталось, что русские власти пошли войной на Россию, нельзя руководиться статьями закона, нужно искать иных общих, всем народом признанных, определений преступного и непреступного. В такое время, чтобы оставаться законным, приходится изменять присяге и, оставаясь верным присяге, приходится нарушать законы. Не преступен я, раз мои стремления разделяются всем народом и не противоречат присяге, а, напротив, опираются на нее. Не преступен я, раз в моих дневниках не видит преступления весь 100 миллионный народ русский...

...Но меня судят и мне угрожает смертная казнь. Когда я вступил на палубу „Очакова", то, конечно, с полной ясностью понимал всю беспомощность этого крейсера, безбронного, с машиной, которая едва могла дать 8 узлов ходу и без артиллерии, там имелось всего две рукоятки от 6 д. орудий, остальные орудия действовать не могли. Я понимал всю беспомощность крейсера, не способного даже к самообороне, а не только к наступательным действиям, не способного даже уйти от опасности. Эскадра же, большинством своих матросов сочувствовавшая и казармам и „Очакову", была разоружена до моего приезда на „Очаков", стало-быть и тут нельзя было ждать никакой боевой силы, нужной для вооруженного сопротивления. В казармах тоже почти не было оружия, что мы знали. Но я знал, что не дальше, как завтра, будет открыт артиллерийский огонь по казармам, знал, что это страшное злодеяние уже подготовлено, что беда неминуемо стрясется и унесет много неповинных жизней, и это сознание не позволяло мне покинуть ту горсть безоружных людей, которая была на „Очакове" и которая геройски готова была, хотя и пассивно, одним поднятием красного флага протестовать против ожидавшегося массового убийства. Команда знала от меня, что первым условием моего участия в деле было — не пролить ни капли крови, и команда сама не хотела крови. Что же давало нам убеждение в необходимости, в полезности нашего протеста, что делало нас восторженными и верующими, когда все кругом было так безнадежно и бессильно? Откуда мы почерпнули ту высокую радость, которая осветила всех нас, несмотря на всю грозность надвигавшихся событий? Как мог я, болезненный и слабый человек, лишенный трех предыдущих суток сна,

не только оставаться сильным духом и верующим, но поднять и укрепить веру в других? В чем была наша сила, идущая, как казалось, в разрез со здравым смыслом? Сила эта была в глубоком, проникнувшем все мое существо и тогда и теперь сознании, что с нами бог, с нами русский народ. Да, с нами русский народ, весь своей стомиллионною громадою. Он, истощенный и изнемогающий, голодный, изрубцованный казацкими нагайками, он, этот народ с засеченными стариками и детскими трупами, как страшный призрак нечеловеческих страданий, простирая ко мне руки, звал. То были минуты ожидания диктатуры, дни истязаний крестьян в шести губерниях за то, что они обезумели от голода, и, смотря на своих пухнувших детей, потеряли сознание неприкосновенности собственности. Часть этого народа, лучшая, молодая и самоотверженная, находилась у нас на глазах в казармах экипажей, там были сыновья и мужья тех обездоленных деревенских людей, а против них наши представители спасающей себя бюрократической власти уже направили свои пушки. Мне говорят о статьях закона, о военном положении и т. д. Я не знаю, не хочу, не могу оценивать все происшедшее статьями закона. Я знаю один закон, закон долга перед родиной, которую, вот уже три года, заливают русской кровью. Заливает малочисленная, преступная группа людей, захватившая власть и отделившая государя от своего народа. Они, из-за своих хищных расчетов, уложили больше 100 т. трупов в войне с Японией, они же теперь из-за тех же рассчетов начинают войну с Россией. Где же измена? Кто государственный преступник? Сегодня в их глазах преступен я, как и весь народ русский, который, пробудясь, осмелился стать на дороге их истребительной резни. Но завтра в глазах грядущего суда преступниками будут объявлены они. Вчера наместник Алексеев был вице-король, и вся задавленная пресса пела ему, как талантливому государственному мужу, гимны. Сегодня Алексеев жалкий эмигрант, стыдящийся показаться на глаза народу русскому. Где же почва, на которой может утвердиться русский человек, чтобы не быть изменником народу и оставаться законным? Такой почвы нет. В дни тяжелой борьбы народа за право на жизнь,—что сегодня в глазах власти преступно, завтра принимается, как заслуга перед родиной. В эти дни испытания есть один закон — закон верности своему народу. Остается в эти дни или умереть в борьбе или наложить на себя руки, так как оставаться безучастным это сверх сил человеческих. Вся моя прошлая жизнь доказывает, что я стоял только за мирные средства борьбы и был противником мятежных восстаний. Еще 13-го ноября, накануне приезда моего на „Очаков", я говорил о мирной борьбе на городском митинге перед рабочими, но самый мирный человек, видя неминуемое

массовое убийство людей, не может не кинуться в защиту их. Я был вдали от матросского движения, я всеми силами не сочувствовал пропаганде, вызвавшей мятеж в казармах. Я всеми силами рвался переговорить с адмиралом Чухниным, чтобы получить от него полномочия, с которыми мог бы успокоить людей. Душа обливалась кровью при ожидании грозящего массового убийства, которого так просто было избежать и водворить порядок. И я бы таки остался в стороне, но люди сами пришли ко мне. Имел ли я право не итти вместе с ними, если предотвратить беду оказалось не в моих средствах, и я знал, что не дальше, как завтра прольется опять кровь народная? Если бы я отвернулся от них, когда они нуждались во мне и когда беда уже была неминуема, я не имел бы права смотреть в глаза народу русскому, как изменник. И я пошел, чтобы сделать все, что мог, чтобы остановить, не допустить убийства, противопоставить силе силу, а если это не поможет, то хоть умереть с ними, пассивно протестуя поднятием красного флага. Если бы я не пошел к ним, когда они звали меня, то, оставаясь дома, при первых звуках канонады я сам бы наложил на себя руки. Да, это было так. Это был день смерти, я всею силою своего духа искал ее, не было сил жить в этой атмосфере узаконенного истребления народа русского. Зачем не убили меня офицеры, когда я нарочно малым ходом на миноносце, стоя один на мостике, проходил по борту вплотную все броненосцы, подставляя им открытую грудь свою? Зачем не убили меня офицеры на „Пруте“, когда я один вошел к ним, предлагал им убить меня, клялся им, что никто из них не пострадает, но что, если они не убьют меня, я освобожу потемкинцев? Отчего я не был убит на „Очакове“ под этим невиданным в истории войн стальным градом? Не убили меня, когда я был в воде, засыпанный пулеметами. Отчего не убили меня, когда я, теряя сознание и вытащенный кем-то из воды, попал на миноносце под новый град снарядов? Отчего не убили меня на „Ростиславле“ офицеры, когда они издевались надо мной, и я совершенно уж терял последние силы, но все же искал смерти? Ко мне подошел адмирал Феодосьев и спросил что-то, я не помню, но я помню, что я ответил ему: что одна смертная казнь остановит меня. И если бы я ответил ему иначе, то весь русский народ имел бы право сказать мне: прочь, изменник, ты не видишь, что мы все умираем в этой страшной борьбе. Не коснулась меня витавшая вокруг смерть, когда я искал ее. Для того я остался в живых, чтобы быть поставленным здесь, у скамьи подсудимых, чтобы могла видеть вся Россия, соучастница дел моих, что судят за то, что я остался верен народу своему. Да, я выполнил долг свой, и если меня ждет казнь, то жизнь среди народа, которому изменил бы я,

была бы страшнее самой смерти. Не горсть матросов, нарушивших дисциплину, чтобы остаться верной присяге, и не гражданин Шмидт пред вами. Пред вами здесь на скамье подсудимых вся стомиллионная Россия, ей вы вынесете свой приговор, она ждет вашего решения.

(Центрархив. „Лейтенант Шмидт. Письма, воспоминания, документы", стр. 243).

Приложение № 2.

Требования матросов и солдат.

1) Освободить всех политических матросов и солдат на поруки матросов и солдат и предать их гласному суду.

2) Удаление из города всех боевых рот, казаков и снятие военного положения, отмена смертной казни.

3) Неприкосновенность личности депутатов.

4) Полная свобода вне службы. Право посещать все общественные места и собрания.

5) Устройство библиотек и читален за счет казны. Выписка книг и журналов по желанию нижних чинов.

6) Вежливое обращение офицеров с нижними чинами на „вы" и отмена титулов вне службы.

7) Увеличение жалования от 5-ти до 10-ти рублей в месяц. В плавании жалование матросам должно быть увеличено еще в два раза больше. Увольняемым в запас должно быть выдано единовременное пособие в 50 рублей.

8) Уменьшение срока службы для солдат до 2-х лет, а для матросов—до 4-х лет.

9) Все посторонние работы, как, например, погрузка угля и ремонт казарм, должны производиться наемными рабочими.

10) Немедленно освободить всех запасных и окончивших сроки действительной службы, а также увольнение всех сверхсрочно служащих.

11) Ежегодный месячный отпуск с сохранением жалования и дорога за счет казны.

12) Офицеры не должны иметь никаких военных прислуг для своих домашних надобностей.

13) Ограничить частое служение, т. е. несение служебных обязанностей без пользы: бесполезные судовые работы, например —спускание и поднимание шлюпок, гонка их около судов, безвременное отправление шлюпок на берег. Применить паровые или какие-нибудь двигательные, а не мускульные силы.

14) Оклад на приварочное довольствие: для армии—каждый день 15 коп., а для матросов в море—каждый месяц—13 р. 60 коп., а на суше—8 руб. Право распоряжаться продовольственной суммой принадлежит команде как во флоте, так и в армии. Не делать никаких вычетов из этой суммы, остатки выдавать каждому на руки.

15) Устроить склады с обмундировочными вещами и выдавать одежду по чекам: для матросов в год на 60 рублей, а для солдат на 40 руб. Оставшиеся суммы от обмундирования выдавать каждый год как матросам, так и солдатам.

16) Получившим какое-либо увечье на службе должна выдаваться пожизненная пенсия, но не менее 60 рублей в год, причем в комиссии для назначения пенсии и определения степени должны участвовать представители нижних чинов, выбранные командой.

17) Офицеры должны ежедневно заниматься с нижними чинами по два часа в служебное время.

Сверх этого, матросы и солдаты присоединяются к всеобщим российским требованиям: 1) немедленного созыва учредительного собрания, на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, 2) 8-мичасового рабочего дня.

Последние два требования были включены по настоянию П. П. Шмидта.

Приложение № 3.

Хоры музыкантов Черноморского флота выработали свои дополнительные требования.

Дополнительные требования хоровых музыкантов при Черноморском флоте севастопольского гарнизона:

1) Занятия должны производиться 4 часа в день: два часа до обеда и два часа после обеда.

2) Из заработанных денег отчислять только $^1/_4$ часть.

3) Срок считать действительную службу с 17 до 21 года.

4) Учредить общую школу для воспитанников Черноморского флота и армии севастопольского гарнизона с правами, наравне с гимназиями и реальными училищами, с обязательным обучением музыке и пению, в эту школу должны быть приняты только дети матросов и солдат.

Приложение № 4.

К солдатам Брестского полка.

Товарищи, братья! Мы, матросы Черноморского флота, обращаемся к вам с горячим словом убеждения, не верьте тому, что говорят вам вечные насильники и кровопийцы наши—офицеры и попы... Третьего дня ночью, когда вы были в своих казармах, они убеждали вас, будто мы—враги народные, будто мы хотим ограбить вас, отнять вашу кассу.

Вы поддались их лживым словам, ушли из казармы, забрали кассу, готовились защищаться от нашего нападения. А они, негодяи, спаивали вас водкой и заставляли приносить присягу.

Товарищи, ваши офицеры подло лгут вам; никогда в мыслях мы не имели кого-нибудь грабить, никогда не

изменяли мы родине, всегда поступали и поступаем по совести и разуму своему. Лгут они все это потому, что боятся, чтобы вы не соединились с нами в наших требованиях. Они хотят обмануть вас, хотят сделать вас слепым орудием в своих не раз уже народной кровью забрызганных руках, хотят натравить и направить вас против всех, стоящих за народные нужды.

Братья-солдаты, мы не грабители и не изменники какие; только не стало мочи у нас сносить дальше притеснения начальства и проклятые порядки российские.

И мы все, как один, выставили требования, которые каждый из вас может прочесть. Мы требуем, чтобы солдат был признан человеком, чтобы улучшили нам пищу и увеличили нам жалованье, чтобы уменьшили срок службы, чтобы обращались с нами по-людски, а не по-скотски, чтобы и солдатам даны были те права, которые возвещены всему народу манифестом 17-го октября, права — свободно собираться, свободно обсуждать свои и общие народные нужды, свободно читать газеты и книги. Мы требуем, наконец, совсем великим русским народом, чтобы немедленно было созвано всенародное Учредительное собрание.

Пусть будут всем народом выбраны представители, которые устроят русскую землю, которые одни смогут улучшить жизнь рабочего и крестьянина, наделить землей и упорядочить наше солдатское житье. Наше дело правое, наше дело—не только наше солдатское, но и всенародное.

Солдаты, не давайте спаивать себя, не поддавайтесь лжи и обману, не слушайте офицеров и попов. Отказывайтесь стрелять в своих товарищей и братьев. Следуйте примеру крепостной артиллерии, саперной роты и тех из ваших товарищей, которые перешли на нашу сторону.

Присоединяйтесь к нашим требованиям. Вместе с нами бороться до конца за свои человеческие права и за святое—народное дело.

Товарищи-братья, да здравствует свободный солдат!

Да здравствует единение войск с народом!

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Депутаты от матросов и солдат.

(„Лейтенант П. П. Шмидт". Воспоминания сестры. П. 1923 г. стр., 79).

Приложение № 4.

В опровержение всех циркулирующих по городу слухов, будто восставшие матросы и солдаты г. Севастополя намереваются войти в город и произвести разгром мирных жителей, мы, нижеподписавшиеся, выбранные матросами и солдатами, депутаты заявляем гражданам г. Севастополя, что подобные слухи распространяются одними лишь хулиганами, с целью произвести панику в народе и этим поставить на ноги все темные личности, стремящиеся путем грабежа

нажиться; мы, севастопольские матросы и солдаты, войдем с оружием в руках в город лишь только в том случае, если хулиганы осмелятся посягнуть на жизнь и имущество граждан.

Депутаты, выбранные матросами и солдатами.

(„Лейтенант П. П. Шмидт". — Воспоминания сестры. Изд. Ред.-Изд. Отдел Морского Комиссариата. Петроград. 1923 г., стр. 80).

Приложение № 5.

„Вот и наш крейсер, — сообщает Вдовиченко в своих записках. — С замирающим сердцем взбежал я по трапу, и прежде всего направился в свою каюту в нижней жилой палубе. Но каюты не было. Снаряды все кругом разнесли вдребезги. На полу, исковерканном и закоптелом, валяются скрученные куски железа и местами возвышаются какие-то черные, как смоль, с жирным блеском кучки. Сначала я не обратил на них особенного внимания, так как спешил взглянуть на свою каюту. Но теперь, на обратном пути, из любопытства шевельнул одну из них ногой. Черный, маслянистый пепел разъехался, и из-под него забелелись человеческие кости, скорченные, сведенные вместе предсмертными муками. Тут только я понял, что передо мной останки людей, сгоревших и исстлевших на раскаленной палубе. Здесь внизу их было больше десятка.

Скорее наверх. Вот опять разорванный человек, залитый черной кровью. Страшно белеют из этой груды обломки костей.

Далее, за шканцами возле шкафута, на обгорелой палубе лежит матрос, перевязанный простыней. Развязали. Весь живот вырван. Зашли в кают-кампанию, где сидели арестованные с „Прута" и „Потемкина" офицеры. В борту пробоины. Кругом все разворочено. На полу кучка пеплу.

Разгребли его, нашли металлические значки минного машиниста. В последние минуты арестованные вышибли дверь и вырвались из кают-кампании.

Часовой, исполнив свой долг, в упор застрелил первого попавшегося. Это был минный кондуктор Журавкин.

Металлические значки — все, что от него осталось.

Взяв с собой несколько человек команды, я спустился в машину. С правой стороны пробоина зияла в броне дюйма в 3 с половиной и рядом лежал кусок стали в форме лодки: очевидно, снаряд ударился боком и вырвал кусок брони, отштамповав на нем свою форму. На индикаторной площадке лежала гайка с казенной частью снаряда, попавшая в лапу цилиндра высокого давления левой машины, при чем цилиндр треснул. В средней кочегарке разорвавшийся снаряд разбил главный разобщительный клапан-сухопарник и снес над шестью котлами все дымовые выходы. Вся эта масса железа силою взрыва сметена была по углам помещения и так спрессована, что никогда

в жизни не сложить ее так плотно на таком маленьком пространстве, какое она занимала. При выходе из кочегарки с левой стороны лестницы лежало тело человека огромного роста, но без головы, которая была срезана точно бритвой.

С трудом вытащили тело наверх. Это — кочегарный ученик Козорез.

Вечная память тебе, товарищ, — невольно промолвили мы, обнажая головы.

Изрешетенный осколками выходной зонт над люком кочегарки объяснил исчезновение головы. Очевидно, она была срезана взрывом, едва успела подняться над уровнем палубы. А тело свалилось обратно в кочегарку.

В среднем кубрике убирали уголь, раскиданный по палубе. Особенно толстым слоем лежал он около минного полупортика.

И вот, на первую же лопату попалась кисть человеческой руки, на следующую—часть ноги, затем—полголовы...

Стали не сбрасывать уголь, а перебирать более осторожно. Находки участились: вот связка кишек, вот просто куски мяса с кожей и торчащей из глубины костью.

Во время обстрела „Очакова", когда снаряды бугорами взрывали его палубу и разом в десяти местах запылал огонь, команда столпилась у этого полупортика для посадки на спасательные суда.

Шальной снаряд ударил в кницу, бимц которой имеет восемь дюймов ширины с отворотами по два с половиною дюйма при толщине в четверть дюйма, скрутил ее штопором до половины судна и вместе со своими осколкам врезал в толпящихся людей.

Из морского госпиталя вытребовали восемнадцать гробов.

В три из них уложили уцелевшие трупы, а остальные пятнадцать заполнили доверху разорванным мясом.

Печальные останки эти отбуксировали на барже к даче главного командира Черноморского флота „Голландия", находящейся на Северной стороне, и там, где-то за садом „Его Превосходительства", зарыли..." [1]).

(„Пролетарская революция" № 10 (22) Истор. журнал Истпарта. 1923 г. В. Дробот. „Севастопольское восстание 1905 г.", стр. 74).

Приложение № 6.

Граждане!

„Еще не успела засохнуть кровь матросов, предательски пролитая царскими слугами, Неплюевыми и Закомельскими, как уже преступные души убийц страшатся справедливой народной мести. Убийцы торопятся отвести народный гнев

[1]) Дворец „Его Превосходительства" — „Голландия"—находился у берега на Северной стороне бухты. Сейчас там севастопольским ОНО оборудован прекрасный татарский детский дом.

от себя и спешат свалить вину кровавого дня 15-го ноября на других. В подлых клеветнических воззваниях и обращениях они пытаются убедить народ, что в расстреле матросов виновны и евреи, и интеллигенция, и социал-демократы, словом, все, только не действительные виновники. Чего добивались матросы и солдаты? Разве они не могли сами додуматься до того, что нельзя терпеть собачьей жизни? Разве они могли допустить, чтобы командир отдавал приказ стрелять в безоружных братьев и товарищей? Разве не утверждали матросы, что они хотят мирной забастовкой добиться удовлетворения своих справедливых требований? Или эти простые вещи должны внушить матросам посторонние? Кто первый пролил кровь?—Изменник „Терец“,—стрелявший в депутатов матросов. Стреляли те солдаты и матросы, которых обманули и одоили офицеры и попы, стреляли по приказу Неплюева, которого матросы великодушно отпустили из-под ареста. Кто же виноват в бойне, устроенной 15-го ноября? Евреи, социал-демократы или бесчеловечные командиры и офицеры?

Граждане! Эти изверги-командиры пытаются улизнуть от народного суда. Заявим же громко: проклятие и месть убийцам!

Убийцы хотят натравить вас на евреев и интеллигентов. Заявим же: долой громил и провокаторов!

Революционеры-матросы не допустили насилия и грабежа: севастопольские рабочие тоже не пойдут на зов хулиганов и громил-офицеров.

Убийцы хотят натравить матросов и солдат на рабочих—социал-демократов. Но, ведь, социал-демократы, это рабочие, братья и товарищи матросов и солдат.

Ответим же на эту гнусную попытку единодушным криком: да здравствует единение войск с народом!

Да здравствует социал-демократия, партия рабочего класса!

Сов. ком. росс. соц.-дем. раб. парт. 1905 г. 27 ноября.

(„Лейтенант П. П. Шмидт“. Воспоминания сестры, Петроград, 1923 г.).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

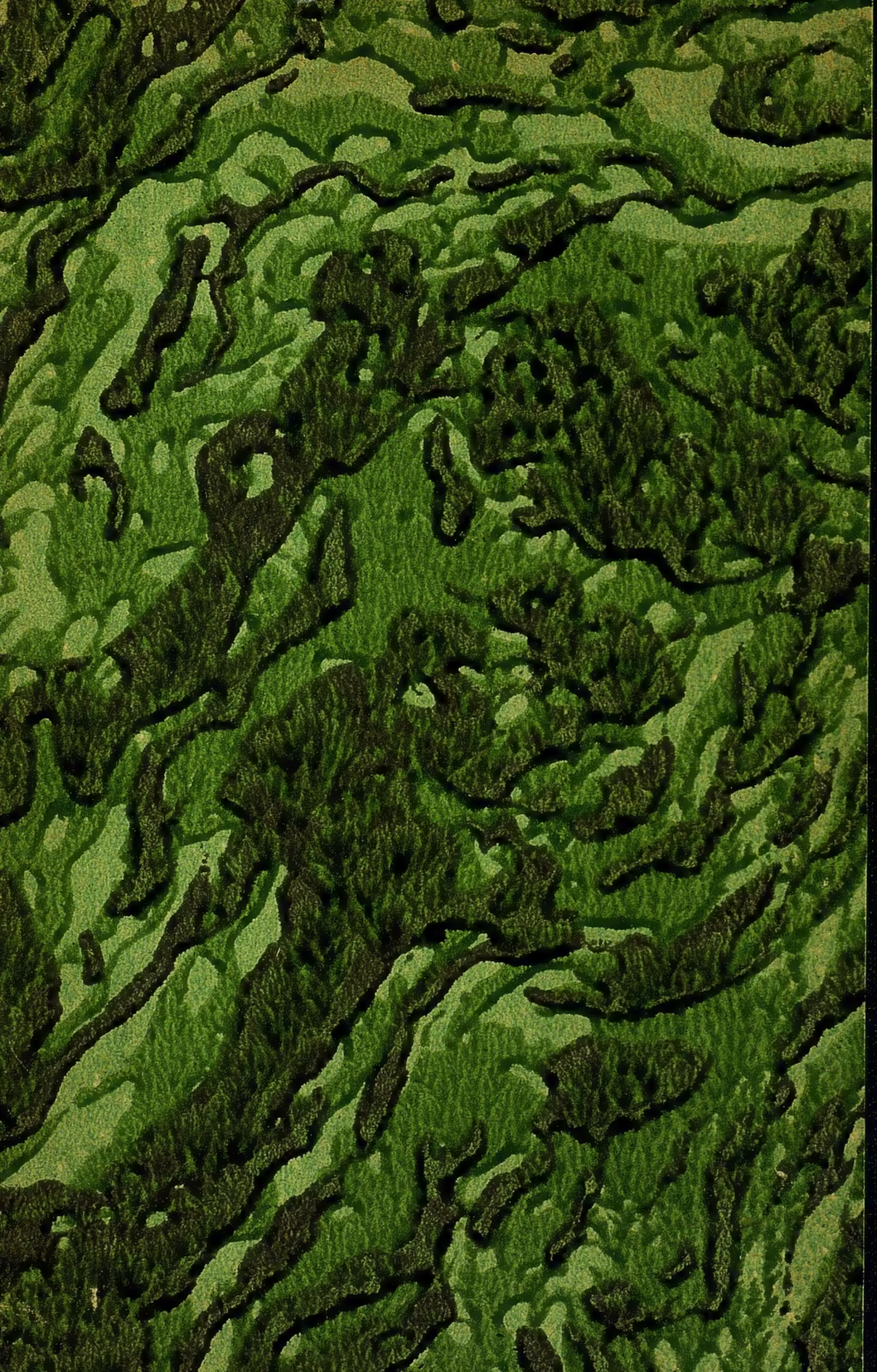
ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От Истпарта 3
Предисловие 5
I. Партийная работа Р. С. Д. Р. П. в Севастополе перед ноябрьским восстанием 7
II. Севастопольская организация социалистов-революционеров и ноябрьское восстание 12
III. Севастополь перед ноябрьским восстанием 15
IV. Лейтенант Шмидт 25
V. Начало восстания 38
VI. В саперной роте, крепостная артиллерия, в казармах флотской дивизии 48
VII. Возникновение Совета матросских, рабочих и солдатских депутатов и лейтенант Шмидт 56
VIII. На крейсере „Очаков“ 65
IX. На рейде 76
X. Суд в „Очакове“ и казнь на острове Березань 89
XI. Суд над участниками восстания на берегу 101

Приложения

I. Речь П. П. Шмидта на суде 107
II. Требования матросов и солдат 111
III. Дополнительные требования музыкантов Черноморск. флота . 112
IV. К солдатам Брестского полка 112
V. Сгоревший „Очаков“ 114
VI. Воззвание к гражданам 115
VII. Литература о Севастопольском восстании 117

Литература о Севастопольском восстании

1) „Лейтенант Шмидт". Письма, воспоминания, документы. Под редакцией и с предисловием Вл. Максакова. Центроархив, „Новая Москва", 192? г.
   а) Предисловие Вл. Максаков.
   б) Лейтенант Шмидт в моих воспоминаниях. З. Р.
   в) Письма лейтенанта Шмидта к З. И. Р.
   г) Доклад ротмистра Васильева.
   д) Доклад Вороницына на конференции военных и боевых организаций Р. С. Д. Р. П.
   е) Речь П. П. Шмидта на суде.
2) В. Дробот. „Севастопольское восстание 1905 г." („Пролетарская революция", № 6—7 и № 10. 1923 г.).
3) Л. Троцкий. „1905". Госиздат, 1922 г.
4) Вороницын. „Из мрака каторги". 1905—1917 гг. Харьков, 1922 г.
5) И. Генкин. „По тюрьмам и этапам". Петербург. Госиздат. 1922 г.
6) Резников. „Лейтенант Шмидт". Симферополь. 1917 г.
7) „Лейтенант П. П. Шмидт". Воспоминания сестры. Ред.-Изд. Отдел Морского Комиссариата. Петроград. 1923 г.
8) „Моряки первой революции" изд. „Молодая Гвардия", М. 1923 г.
   а) Игнат. „Красная эскадра".
   б) А. К. Куприн. „Гибель Очакова".
9) „Красное знамя над Черноморской эскадрой". Рассказ очевидца „Красная Новь". Москва. 1923 г.
10) „Жизнь лейтенанта Шмидта" („Правовая Жизнь" № 1. 1906 г. СПБ).
11) „Календарь русской революции". Под общей редакцией В. Л. Бурцева.
12) Обвинительный акт по делу... Лейтенант П. П. Шмидт (Морской сборник. 1918 г. № 2-3).
13) Севастопольское восстание. Доклад Меллер-Закомельского, 21 ноября 1905 г. („Былое". 1917 г. № 5-6).
14) „Красный лейтенант". Как и за что был казнен лейтенант Шмидт. „Свободная библиотека". М. 1917 г.
15) П. Мойшеев. „Последние дни лейтенанта Шмидта, Частника, Гладкова и Антоненко" („Былое") 1910 г., 13., стр. 3—24.